

eISSN 2311-2468
Том 9, № 7. 2021
Vol. 9, no. 7. 2021

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

БАРАНОВА Т. В.

**ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
И ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ**

Аннотация. В работе рассматриваются подходы к понятию «публичная политика» в российской, американской и европейской политических школах. На основе анализа работ автор выделяет основные составляющие российской публичной политики: гражданское общество и общественное участие, политическую коммуникацию, виртуализацию и медиатизацию публичной политики.

Ключевые слова: публичная политика, общественное участие, гражданское общество, коммуникация.

BARANOVA T. V.

PUBLIC POLICY: DEFINITIONS AND COMPONENTS OF RUSSIAN PUBLIC POLICY

Abstract. The article considers approaches to the concept of «public policy» in Russian, American and European political schools. Considering the analysis of relevant research works, the author identifies the main components of Russian public policy: civil society and public participation, political communication, virtualization and mediatization of public policy.

Keywords: public politics, public participation, communication.

В политической науке последнее время все более популярными становятся работы, посвященные публичной политике. Появляются новые подходы, интерпретации и методология исследования публичной политики. Исследуя данный феномен, многие ученые опираются на такие понятия, как «общество», «публичная сфера», «публичное пространство», «общественность» [8, с. 132]. Универсального определения публичной политики на данный момент не существует. При понимании данного термина можно выделить несколько подходов: публичная политика как определенная программа органов власти; публичная политика как система; публичная политика как комплекс политических сетей.

Анализируя современную литературу, можно выделить несколько подходов к пониманию термина «публичная политика»: институциональный, инструментальный и академический подходы. Институциональный подход больше характерен для представителей отечественной политической школы, в то время как зарубежные авторы подходят к пониманию термина «публичная политика» достаточно практично, рассматривая ее как определенный инструментарий по решению общественных проблем.

Исследования в области публичной политики в США стали популярны в 1970-х годах и развивались в рамках концепта «policy», что означало изучение способов поведения и принятия решений политических акторов в политическом процессе. Поле исследования публичной политики оставалось на протяжении долгого времени в рамках действий государственного аппарата и самого государства, что более точно можно описать термином «public administration» [11, с. 4].

Теория политических систем во многом обязана своим происхождением американцу Дэвиду Истону, который, как известно, был ученым, пытавшимся проанализировать политику с точки зрения систем. Согласно Д. Истону, политическая система испытывает на себе влияние окружающей общественной среды. Так, публичная политика также может рассматриваться как реакция политической системы на требования, вытекающие из ее «окружения» [2]. Работы по публичной политике охватывали также проблемы государственного управления и повышения его эффективности. Американский профессор в области политической науки Д. Андерсон дал следующее определение публичной политике, которое в полной мере отражает суть подхода к трактовке данного понятия со стороны американского экспертного сообщества: «Политика, производимая правительственными чиновниками и органами власти и затрагивающая существенное количество людей», т.е. это определенные действия правительственных органов в рамках процесса выработки, принятия и реализации государственного курса» [1, с. 2].

Европейский подход к публичной политике несколько отличается от американской традиции. В Европе вектор научных изысканий сместился в сторону изучения интеграционных процессов через согласование интересов при формировании, принятии и реализации определенного политического курса, при этом в процессе необязательно участвуют только государственные субъекты политического процесса [6, с.76]. Немецкий философ Юрген Хабермас рассматривает публичную политику как место, где происходит формирование и обсуждение общественного мнения, «процесс коммуникативного производства легитимной власти», а также место, где возможно решение общественно значимых задач [15, с. 199]. Другой немецкий ученый Ханна Арендт создала модель публичной политики, при которой власть рассматривается через способность к согласованному действию между людьми для осуществления их целей. При этом власть всегда остается публичной и дает обществу пространство для обсуждения своих идей, без такой публичной политики, с точки зрения Х. Арендт, невозможно функционирования нормального общества [4].

Итальянская школа публичной политики под руководством Джилиберто Капано опирается на американскую школу, но при этом ярко выделяет существенные отличия. Если в

американской традиции концепт публичной политики довольно четко очерчен, то в европейских исследованиях можно заметить многомерность феномена. Во-первых, это процесс обсуждения и взаимодействия по решению различных проблем, во-вторых, борьба политических субъектов, площадка для отстаивания и реализация собственных интересов, в-третьих, совокупность правил, ценностей и практик взаимодействия институтов политических субъектов [3].

Опираясь на работы ученых европейской школы, можно сделать вывод, что для достижения общественного согласия и прозрачности в принятии политических решений государство должно активно привлекать структуры гражданского общества, а также эффективно задействовать существующие экспертные площадки. Публичная политика при этом выходит за рамки государственной политики, приобретая форму не только разработки и реализации институциональных решений, но и участия в этом процессе различных групп интересов: от экспертного сообщества до некоммерческих организаций. Общественность, согласно европейскому подходу к понятию «публичная политика», играет определяющую роль и может значительно влиять на государственный аппарат. Кроме этого, консенсус должен существовать не только между государственным аппаратом и общественными группами, но и между самими гражданами тоже.

В фокусе внимания российской школы политической науки концепт публичной политики оказался с начала 2000-х годов. У истоков стояли ученые Института социологии РАН [9]. В ГУ ВШЭ был сформирован институциональный подход, где главное внимание уделяется политическим институтам и субъектам публичной политики [5]. В это время также активно развивается комплексный подход к исследованию публичной политики [10; 12; 13]. В широких кругах тема публичной политики в России свое развитие получила в 2000-х годах после «Гражданского форума» (Москва, 2001 г.), «Тольяттинского диалога» (2002 г.), 3-го всероссийского конгресса политологов «Выборы в России и российский выбор» (2003 г.), в рамках которого действовала секция «Публичная политика как инструмент российского выбора» [10, с. 31].

Анализ работ по проблеме позволяет сделать вывод о том, что в числе основных составляющих российской публичной политики на современном этапе можно выделить: гражданское общество и общественное участие, политическую коммуникацию, виртуализацию и медиатизацию публичной политики.

Гражданское общество очень часто называют субъектом публичной политики [13, с. 139]. С. П. Перегудов наравне с гражданским обществом и его институтами в качестве субъектов публичной политики называет бизнес и его организации. По мнению многих экспертов в области публичной политики, взаимодействие институтов гражданского общества

и органов государственной власти может осуществляться сразу в нескольких направлениях: решение значимых социальных проблем; реализация и распределение общественных ресурсов; участие в подготовке и принятии политических решений. Одной из проблем функционирования гражданского общества на современном этапе, по мнению автора, является представление самих людей о гражданском обществе. По данным опроса Фонда «Общественное мнение», стремительно сокращается доля тех, кто считает, что гражданского общества в России не существует (33% в 2007 году, 13% в 2015 году). К тому же 33% респондентов в ходе опроса сообщили, что слышат термин «гражданское общество» впервые [16].

Общественное участие как составляющая публичной политики акцентирует внимание на процесс вовлечения граждан в обсуждение и выработку политических решений и гражданских инициатив. В России существуют проблемы, которые связаны с политическим участием, среди которых можно выделить: несовершенство законодательства; правовой нигилизм, патернализм и этатизм как черты современной политической культуры; пробелы и проблемы в государственной политике в области поддержки, принятия и внедрения гражданских и общественных инициатив; недостаточная поддержка гражданского общества со стороны государства.

Основой результативности публичной политики выступает ее способность формулировать и выражать интересы, потребности и ожидания всего общества. Это реализуется посредством коммуникативного взаимодействия акторов публичной политики. В этой связи очень важно установить обратную связь между обществом и властью для выработки и принятия политических решений с учетом изменяющихся интересов и запросов общества. Многие ученые в своих работах обращают внимание на то, что при эффективной модели публичной политики государственная власть должна являться частью публичной сферы, должна быть «погружена» в нее. В политическом процессе России зачастую запросы и предложения со стороны общества минуя публичную сферу, поступая от бизнес-сообществ, частных корпораций, тем самым, выражая именно корпоративные интересы, а не интересы главных сегментов гражданского общества.

Современную политическую реальность сложно представить отдельно от медиапространства. Медиатизированность и виртуальность политического процесса – еще одна особенность современной публичной политики. Под медиатизациями понимается возрастание роли информации во всех сферах жизни и увеличение влияния медиа на общественные и политические процессы. Политический имидж считается одним из ключевых и наиболее распространенных искусственно создаваемых виртуальных образов в публичной политике [7, с. 69]. Политическая борьба достаточно давно перешла из реальной плоскости в

виртуальную. С целью воздействия и манипуляцией сознанием электората создаются привлекательные образы, которые зачастую не имеют ничего общего с действительностью. Современные предвыборные кампании очень сложно представить без соответствующих видеороликов, персональных страниц кандидатов в социальных сетях и микроблогах. В таких условиях публичная политика является пространством, где предвыборная кампания и борьба за голоса обязательно перетекает в медийное поле.

Таким образом, на данный момент нет четкого определения и понимания, что же такое публичная политика. Американская, европейская и отечественная школы вкладывают свой смысл в этот термин. Анализируя разные подходы к понятию «публичная политика», можно выделить несколько ключевых: инструментальный, институциональный и академический подходы. Рассмотрев ряд исследовательских работ по данной теме, мы пришли к выводу, что понимание публичной политики на данный момент тесно связано с государственной системой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anderson J. E. Public Policymaking: An Introduction. – Boston-New York, 2003. – P. 1-34.
2. Capano G., Howlett M. Introduction: Multidimensional World of Policy Dynamics // European and North American Experiences in Policy Change. Policy Drivers and Policy Dynamics. – London, 2009. – P. 1–12.
3. Easton D. The Political System. An Inquiry into the State of Political Science. – New York: Knopf, 1953. – 87 p.
4. Арендт Х. Vita Activa, или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000. – 75 с.
5. Беляева Н. Ю. Публичная политика в России: теория и практика. Формирование научных школ // Публичная политика в современной России: субъекты и институты: сб. ст. / отв. ред. сост. Н. Ю. Беляева; ГУ ВШЭ. М.: Тена, 2006. – С. 128-135.
6. Беляева Н. Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. – 2011. – № 3. – С. 72-87.
7. Володенков С. В. Особенности виртуализации современной публичной политики в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – 2011. – № 4. – С.68-74.
8. Гадышев С. А. Современные подходы к определению публичной политики // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 3 (27). – С. 132-134.
9. Красин Ю. А. Российские проблемы публичного // Публичная политика. Университет Калгари – Горбачев-фонд. 2005. – С. 11-27.

10. Мордасова Т. А. Факторы развития общественного участия в современной Российской публичной политике // Власть. – 2010. – № 1. – С. 30-33.
11. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Проблемы и приоритеты развития публичной политики в современной России // Власть. – 2013. – № 9. – С. 4-10.
12. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика в России: состояние, проблемы и альтернативы развития // Публичная политика в современной России: субъекты и институты. М.: ГУВШУ, 2006. – С. 4-9.
13. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Полития. – 2007. – № 1. – С. 30-51.
14. Перегудов С. П. Гражданское общество как субъект публичной политики // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 2. – С. 139-150.
15. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 382 с.
16. Что такое «гражданское общество»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/12375> (дата обращения: 28.04.2021).

БАТЯЕВ Р. А., МАЛЬЧЕНКОВ С. А.
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА НА РУБЕЖЕ 2010-2020-Х ГОДОВ:
ПРОТЕСТЫ И СМЕНА ВЛАСТИ

Аннотация. В статье исследуются причины, развитие и результаты полномасштабных акций протеста, охвативших государства Латинской Америки в октябре 2019 года. Авторы делают вывод о том, что не представляется возможным выделить единую тенденцию разворачивания этих событий и формулируют пять основных сценариев, по которым происходит противостояние левых и правых в Латинской Америке.

Ключевые слова: Латинская Америка, Латиноамериканская весна, протесты, левый поворот, правый дрейф.

BATYAEV R. A., MALCHENKOV S. A.
LATIN AMERICA AT THE END OF 2010S AND THE BEGINNING OF 2020S:
PROTESTS AND CHANGES OF GOVERNMENTS

Abstract. The article examines the causes, development and results of the full-scale protests that went through the Latin American states in October 2019. The authors conclude that it is not possible to single out the main trend in the development of these events and formulate five main scenarios according to which the confrontation between the left and right movements in Latin America takes place.

Keywords: Latin America, Primavera Latinoamericana, protests, left turn, right drift.

Латинская Америка традиционно воспринималась международным сообществом в качестве одного из самых нестабильных регионов мира. Почти вся история континента второй половины XX века представляет собой ожесточенное противостояние военных хунт и леворадикальных движений. Однако в первые десятилетия XXI века политическая турбулентность в Латинской Америке неожиданно для многих сменилась стабильным и поступательным развитием на фоне укрепления влияния в регионе левых социалистических режимов. Этот период вошел в историю как «золотое десятилетие» (2003-2013) [4, с. 71].

Тем не менее, эпоха стабильности продолжалась недолго. На смену ей пришла Латиноамериканская весна (Primavera Latinoamericana) – собирательное название волны протестов в ряде государств Латинской Америки, происходивших с октября 2019 года (парадоксальность названия в русском языке объясняется тем, что октябрь в южном полушарии – это весенний месяц). Общемировой протестный импульс рубежа десятилетий привел к развитию в странах Южной и Центральной Америки процессов, которые ряд исследователей трактуют как системный кризис [10, с. 18].

Для понимания сути развернувшихся в 2019 году процессов функционирования власти и её ротации необходимо изучение не только обстановки внутри отдельных стран, но и в макрорегионе в целом. Особый интерес к событиям Латиноамериканской весны в научном сообществе нашей страны объясняется значительной активизацией политического и экономического взаимодействия России со странами континента в последние десятилетия. В последние годы был опубликован целый ряд работ, большинство авторов которых представляют Институт Латинской Америки РАН (А. Н. Боровков, А. В. Будаев, Т. А. Воротникова, В. М. Давыдов, З. В. Ивановский, Л. С. Окунева, А. Н. Пятаков, Д. М. Розенталь, В. П. Сударев, П. П. Яковлев, Н. М. Яковлева и другие).

Интересно, что вышеперечисленные ученые не дают единого толкования происходящим в Латинской Америке процессам. Изначально они, в основном, объяснялись в духе сложившейся парадигмы «правого поворота» в идеологии [7, с. 33]. Однако затем, когда протесты охватили и те страны, где у власти находились консервативные и либеральные режимы, оценки поменялись. Например, посол России в Никарагуа А. В. Будаев в своей статье диагностировал происходящее как «кризис неолиберальной модели развития», обвинив в происходящих конфликтах в первую очередь американское вмешательство и «новое издание Доктрины Монро» [1, с. 39].

Главная проблема исследования современных процессов в Латинской Америке заключается в том, что традиционная для отечественных авторов дихотомия режимов на «левые» и «правые» уже едва ли отражает всю полноту регионального политического спектра. Действительно, сложно объединять в один правый лагерь умеренно-демократический режим С. Пиньеры в Чили и популистско-консервативное правление Ж. Болсонару в Бразилии. Аналогично, далеки друг от друга демократический социализм А. М. Лопеса Обрадора в Мексике и радикальный боливарианский режим Н. Мадуро в Венесуэле. В то же время, безусловно, соглашаясь с позицией В. М. Давыдова о том, что для исследования современных латиноамериканских реалий следует использовать «картину в формате 3D» (с добавлением шкал авторитаризм – либерализм и национализм – интернационализм) [3, с. 9], мы в рамках данной работы для построения упрощенных моделей будем использовать сложившуюся дихотомическую конструкцию, впрочем, с использованием упомянутых выше дополнительных критериев для сравнения. Это позволило нам выделить в рамках событий 2019-2021 годов пять основных сценариев противостояний в борьбе за власть.

Сценарий 1: правые режимы вытеснили левые (Бразилия и Сальвадор – с некоторыми оговорками).

Во многом, поворотным событием в развитии данного сценария стала победа в октябре 2018 года на президентских выборах Жаира Болсонару. После многолетнего лидерства

левоориентированных политиков (Л. И. Лула да Силва, Д. Русеф) крупнейшую страну региона возглавил консерватор-популист, которого сразу же стали именовать «бразильским Трампом». Болсонару отметился рядом громких высказываний, вызвавших значительное недовольство в стране. В частности, многие выразили протест против позиции нового президента по отношению к годам диктатуры (1964-1985), которые он оценивает как эпоху законности и успешного экономического развития. Также внимание привлекли действия Болсонару в период пандемии COVID-19: президент назвал коронавирус «обычным сезонным гриппом» и отказался применять какие-либо дополнительные меры по борьбе с ним, что привело к масштабному росту заболеваемости.

Еще более показательным примером «правого поворота» можно считать так называемый «Феномен Букеле». Найиб Букеле – политик, участвовавший в президентских выборах 2019 года в Сальвадоре как кандидат без идеологии и сумевший прервать монополию президентов, представляющих «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти» (ФНОФМ) с 2009 года. Сам политик долгое время представлял эту же партию и с её помощью завоевал пост мэра столицы Сальвадора. Его победа в президентских выборах показала смену настроений в обществе Центральной Америки, что не могло не сказаться на событиях в других государствах. Примечательно, что Букеле является потомком переселенцев из Палестины и это сыграло не в его пользу в предвыборной кампании [2].

В процессе президентского правления Н. Букеле заслужил славу популиста и автократа, что является довольно распространённой практикой в регионе. Президенту пришлось оправдываться после появления слухов о связи правительства Сальвадора с заключёнными из МС-13 и предоставлении им привилегий. Важно отметить, что президент сохраняет свой пост по сегодняшний день.

Сценарий 2: левые столкнулись с масштабными протестами, но устояли (Венесуэла и Боливия, в которой сменился лидер, но не политический курс).

Политологи и эксперты повсеместно прогнозировали смену власти в Венесуэле в ходе событий 2019 года. Однако, несмотря на крайне удручающую ситуацию в экономике и активную информационную и иную поддержку «президента в изгнании» Хуана Гуайдо со стороны США и ряда стран Европы, президентское кресло по-прежнему занимает Николас Мадуро. Безусловно, ситуация, близкая к катастрофе в экономике Каракаса, которую усугубляет экономическая блокада США, ведёт к продолжению протестов и на протяжении всего 2020 года. Однако о развязке данного конфликта пока говорить не приходится.

Одним из главных событий Латиноамериканской весны были протесты в Боливии. Эво Моралес единолично возглавлял страну с 2005 года. На очередных президентских выборах в 2019 году после подсчёта 80 % голосов ЦИК перестала публиковать статистику. Президент

получил 47 %, а его главный противник Карлос Меса – 36,51 %. Де-юре Эво Моралес продлил свои полномочия в связи с особенностями избирательной системы (второй тур проводится при 10 % разрыве и менее). В стране начались волнения, а ряд коллег Эво Моралеса выразили сомнение в честности проведённых подсчётов. Организация американских государств (ОАГ) прямо заявляла о необходимости отмены результатов [5].

В конечном итоге Эво Моралес признал своё поражение и покинул страну. С ноября 2019 по ноябрь 2020 года первым лицом государства стала экс-сенатор Жанин Аньес. Она обещала, что лишь осуществит транзит власти и выполнила обещание, не выдвигая кандидатуру на выборах 2020 года. На президентских выборах победил Луис Арсе, получив 55,1 % голосов. Данный политик выдвигался от партии Эво Моралеса и всячески подчёркивал свою преемственность прежнему лидеру. Главный противник Моралеса либерал Карлос Меса набрал лишь 28,83 % (меньше, чем на выборах 2019 года). Экс-президент вернулся на родину, а Боливия возобновила курс на сотрудничество с Россией и иными силами, оспаривающими гегемонию США.

Сценарий 3: левые не выполнили своих обещаний и столкнулись с протестами недавних сторонников (Эквадор).

Президент Эквадора Ленин Морено приходит к власти как представитель социал-демократических сил. Однако его политика на посту главы государства очень скоро стала тяготеть к правоконсервативным тенденциям, что вызвало недовольство его сторонников. Поводом для выхода на улицы в Эквадоре стала отмена субсидий на топливо, что привело к двукратному росту цен на дизель и бензин. Ситуация осложнялась с долговой нагрузкой Кито: в феврале 2019 МВФ выдал кредит на 4,2 млрд. долларов. 3 октября начались протесты и демонстрации. Далее работники транспорта повсеместно организуют забастовки и власти объявляют режим ЧП, но уже к 15 октября отменяют указ и возвращают субсидии на топливо. Несмотря на краткосрочность протестов, за половину месяца было задержано более 1.100 человек, около 1340 были ранены. В апреле 2020 года суд Эквадора заочно приговорил экс-президента страны к 8 годам заключения за взяточничество, а Морено урезал зарплаты министрам в связи с пандемией [8]. Подобные шаги укрепили позиции действующей власти и краткосрочные митинги проходили лишь в сентябре 2020 года и довольно скоро сошли на нет.

Сценарий 4: левые силы стремятся бросить вызов находящимся у власти правым (Чили, Колумбия, Перу, Гаити).

Чили – страна с неоднозначными результатами протестов. В 2019 году школьники и студенты массово перепрыгивали через турникеты в метро Сантьяго, протестуя против необоснованного повышения цен на проезд. Далее события переросли в полноценный уличный протест против власти прозападно настроенного президента Себастьяна Пиньеры. В

марте 2020 года 283 человека были задержаны после столкновений с полицией на протестных акциях. Протесты протекали не только в столице, но и в Консепсьоне, Антофагасте и Вальпараисо. В октябре 2020 года в Чили отметили годовщину народных волнений, итогом которых стали поджоги, грабежи и ранения полицейских.

Однако власти пошли на диалог с протестующими, что повело за собой проведение в 2020 году референдума по Конституции. 78,3 % проголосовали «за», и ныне чилийцы рассчитывают на изменение неолиберального курса, проводившегося в стране на протяжении 30 лет [9]. Были запланированы выборы в Учредительное Собрание, которое будет формировать основы главного документа страны. Ожидается, что Конституция вступит в силу не ранее 2022 года.

В Колумбии в ноябре 2019 года протесты прошли в Боготе, Кали и Медельине. На митинги вышло более 200 тысяч человек. Власти отреагировали на народные волнения введением комендантского часа в ряде районов столицы, при этом призывая оппозицию к диалогу за столом переговоров. Волнения продолжались до конца января 2020 года. В феврале того же года УВКПЧ ООН издал доклад, в котором критиковались действия правительства по отношению к протестующим, отмечался рост насилия и рост числа убийств представителей малых народов. Однако президент Иван Дукэ заявил о несогласии с тезисами доклада и вмешательстве во внутренние дела Колумбии [6].

Причиной протестов стали антисоциальные меры правительства, в том числе пенсионная реформа, сводящая пенсионные отчисления к средствам, которые накопил гражданин за годы рабочей деятельности. Также власти страны планировали снизить МРОТ, что вызвало неодобрение у студентов и молодых работников. Несмотря на социальную напряжённость в регионе и высокий уровень преступности, протестная деятельность в Колумбии не привела к каким-либо результатам.

В Перу протестные события протекали на год позже. В ноябре 2020 года умеренно левый президент Мартин Вискаarra получил импичмент от парламента в связи с обвинениями в коррупции. Политик обладал народной поддержкой, но конфликтовал с представителями законодательной власти. Ему на смену пришёл глава парламента Мануэль Мерино, который не смог урегулировать протесты после отставки М. Вискаrrы. В итоге М. Мерино пробыл на посту президента менее недели, а ему на смену пришла компромиссная для власти и общества фигура – Франсиско Сагасты.

Политическая борьба продолжается и в 2021 году. Так в Гаити 28 января граждане выступают против действующего главы Жовенеля Моиза, требуя расследования похищений учителей и студентов. Также гаитян не устраивает монополизация власти, так как в январе

2020 года президент распустил парламент и действует в режиме прямого управления. Поддержку ему оказывают США и ОАГ.

Сценарий 5: левые взяли реванш на выборах и вытеснили правых (Аргентина).

Все в том же насыщенном событиями октябре 2019 года произошли еще одни выборы, которые окончательно запутали логику политических процессов в Латинской Америке. В эпоху намечавшегося на континенте «правого поворота» президент Аргентины Маурисио Макри, который называл себя умеренным центристом и либеральным консерватором, уже в первом туре уступил представителю Хустисиалистской партии Альберто Фернандесу. Показателен тот факт, что вице-президентом при Фернандесе стала Кристина Киршнер, которая ранее в течение 8 лет возглавляла страну. Эти события трактуются как возвращение киршнеризма, который определяется как левый популизм и одна форм латиноамериканского социализма.

Таким образом, подводя итоги, сделаем выводы об основных тенденциях Латиноамериканской весны, начавшейся в октябре 2019 года. Во-первых, изначально подразумевавшее толкование происходящих событий в духе постепенно сворачиваемого «левого поворота» и приходящего ему навстречу «правого дрейфа» всё же не дает исчерпывающего определения всей полноты политических процессов на континенте. Хотя победы Ж. Болсонару в Бразилии и Н. Букеле в Сальвадоре существенно укрепили позиции правых сил, тем не менее, в Венесуэле, Боливии и Эквадоре социалисты устояли, а в Аргентине вернули себе утраченные позиции. Во-вторых, завершение активной фазы протестов спустя несколько месяцев после их начала и синхронность выступлений в различных странах позволяет в полной мере использовать понятие «Латиноамериканская весна» как аналогию Арабской весны 2011 года. Многие акции протеста начинались как воплощение эффекта домино: накопившиеся проблемы находили уличный выплеск под впечатлением от выступлений в соседних странах. В-третьих, события, начавшиеся в 2019 году, на наш взгляд, нельзя рассматривать как завершённый процесс. Всеобщий карантин в период пандемии COVID-19 существенно приглушил уличные протесты во многих латиноамериканских государствах, однако они все еще могут вернуться с новой силой сразу после снятия всех ограничений.

В целом, Латиноамериканская весна не дала однозначных политических результатов. На заре данного политического события многими экспертами процесс рассматривался, наряду с Арабской весной, как процесс, ведущий к коренным переменам в регионе. Спустя полтора года после упоминаемых протестных движений можно с уверенностью сказать, что их последствия не привели к фундаментальным изменениям или даже к смене политических курсов в той или иной стране, хотя события повлекли за собой определенные реформы, а порой и смену глав ряда государств.

События 2019-2021 годов показывают, что жителей Латинской Америки беспокоит социально-экономическое положение. Граждане устали от долгосрочного правления лидеров и несменяемости политических курсов. Выросли стандарты ожидания людей, которые требуют дальнейшего укрепления материального благополучия, гарантий прав и свобод человека. При этом в большинстве случаев, и власть, и протестующие готовы идти на компромиссы и выстраивать диалог. Подобное ведение политики в какой-то мере способствует формированию демократии нового типа – демократии по-латиноамерикански.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаев А. В. «Латиноамериканская весна – 2019». Кризис неолиберальной модели развития // Латинская Америка. – 2020. – № 6. – С. 31-41.
2. Букеле Найиб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/encyclopedia/person/bukele-nayib> (дата обращения 19.04.2021).
3. Давыдов В. М. Латиноамериканистика нашего времени: ее истоки, результаты и ориентиры на перспективу // Латинская Америка. – 2019. – № 7. – С. 8-28.
4. Ивановский З. В. Латинская Америка в конце десятилетия. Социальные проблемы, политические сдвиги и новые вызовы // Свободная мысль. – 2020. – № 2 (1680). – С. 71-84.
5. Исследование опровергло выводы ОАГ о подтасовке на выборах в Боливии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/03/01/issledovanie-oproverglo-vyvody-oag-o-podtasovke-na-vyborah-v-bolivii.html> (дата обращения 19.04.2021).
6. Миллион недовольных: протесты захватывают Колумбию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2019/11/21_a_12825374.shtml (дата обращения 19.04.2021).
7. Окунева Л. С. Латиноамериканский «левый дрейф» разворачивается вправо (некоторые штрихи к «портрету» «правого поворота») // Иberoамериканские тетради. – 2016. – № 4 (14). – С. 33-39.
8. Протесты в Эквадоре. Главное [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://polit.ru/article/2019/10/15/suzhet_151019 (дата обращения 19.04.2021).
9. Чили: надежды на светлое будущее после отказа от конституции Пиночета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9837001> (дата обращения 19.04.2021).
10. Яковлева Н. М., Яковлев П. П. Три волны системного кризиса в Латинской Америке // Латинская Америка. – 2020. – № 10. – С. 6-20.

ВОЛКОВ С. Ю., ЧИХ И. Н.

МИЛИТАРИЗАЦИЯ КОСМОСА КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В статье проведено исследование существующих программ размещения средств космического базирования и их потенциального использования в военных целях основными участниками «космической гонки». Авторы предпринимают попытку сравнительного анализа возможностей основных акторов потенциального конфликта, а также путей разрешения международно-политических проблем в области космоса.

Ключевые слова: космос, милитаризация, космическая гонка, глобальные проблемы.

VOLKOV S. YU., CHIKH I. N.

MILITARIZATION OF SPACE AS GLOBAL POLITICAL PROBLEM

Abstract. The article analyzes the existing programs for the deployment of space-based facilities and their potential use for military purposes by the main participants in the "space race". The authors examine both the comparatively analyze the capabilities of the main actors in a potential conflict, as well as ways to resolve international political problems in the field of space.

Keywords: space, militarization, space race, global problems.

Одной из наиболее важных современных проблем международного сотрудничества является сохранение космического пространства для использования в мирных целях, а также поиск путей и средств обеспечения его ответственного и безопасного освоения. Постоянный рост числа участников космической деятельности и развитие новых технологий и перспективных направлений их использования в космосе создают не только новые возможности, но и новые конфликты в вопросах обеспечения безопасности космических операций и защищенности орбитальных группировок.

В научной литературе тема регулирования использования космического пространства нашла отражение в трудах А. И. Антонова, К. А. Гончаровой, П. А. Калининко, Д. С. Курушиной, А. Х. Митрохиной, О. А. Поповой, В. В. Сафронова, М. А. Сорокина и ряда других авторов. В данной работе был проведен анализ существующей нормативно-правовой базы, регулирующей поведение отдельных стран в космическом пространстве. При этом изучение международных соглашений позволило выявить ряд видов деятельности в космическом пространстве, которые остаются неурегулированными современными договорными отношениями. К ним относятся проблемы проектирования, разработки и применения противоспутниковых средств; изучение, конструирование и использования разнообразных систем противоракетной обороны космического базирования; создание и развертывание в космосе оружия, основанного на новых физических принципах [9, с. 192].

Исходя из приведённой информации, можно констатировать, что существуют серьезные пробелы в международном законодательстве в данной отрасли. В то же время в международном праве отсутствуют конкретные формулировки таких терминов как «космическое оружие» и «космическое пространство», что позволяет странам использовать различную трактовку исходя из своих собственных интересов. Главным межправительственным органом ООН, действующим в области мирного освоения космического пространства, является Комитет по использованию космического пространства в мирных целях [1]. Данная структура призвана постоянно отслеживать изменения в сфере реализации новых проектов, затрагивающих потенциальную милитаризацию космоса, а также предлагать варианты разрешения перспективных конфликтов между заинтересованными сторонами [13, с. 333]. Однако какими-либо полномочиями, способными повлиять на политику стран, которые имеют доступ в космическое пространство, она не обладает.

Учитывая тот факт, что в международно-правовом регулировании военно-космической деятельности имеются большие пробелы, логично предположить, что космос является крайне перспективным местом для начала будущей гонки вооружений, предпосылки к которой складываются на основании разрыва в одностороннем порядке США системообразующих договоров в области ракетной безопасности (ДПРО, ДРСМД, ДОН, ДОВСЕ), роста количества горячих точек и ухудшении отношений между мировыми державами.

Чтобы понять степень напряженности, которая присутствует в области освоения космоса, нами изучалась актуальная ситуация в сфере военно-космической политики ведущих космических держав (Россия, Китай, Индия) и военно-политического блока НАТО, что обусловлено тесной связью США и стран-участниц альянса. В результате данного анализа, следует выделить целый ряд конфликтогенных событий и тенденций.

НАТО

4 декабря 2019 г. генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг на своей пресс-конференции, заявил, что НАТО признает космос пятой сферой операций альянса [12]. 20 декабря того же года Д. Трамп официально объявил о запуске космических сил США как отдельного рода войск. Нижняя палата американского парламента проголосовала за закон, который предусматривает выделение финансовых ресурсов на размещение в космосе установок, способных перехватывать баллистические ракеты. Данный проект должен быть осуществлён к 2030 г. [7].

Французский президент Э. Макрон вслед за Д. Трампом объявил о создании собственного национального ведомства, целью которого будет защита интересов страны в космосе и «расширение космических возможностей». В своем обращении к армиям накануне 14 июля 2019 г. президент Франции объявил: «Новая доктрина должна обеспечить нашу

оборону из космоса и через космос. Мы будем лучше защищать наши спутники, в том числе и активно» [4]. В результате реализации намеченных перспектив Пятая республика должна получить в своё распоряжение серию разведывательных спутников CSO, спутников связи Syracuse и спутников электромагнитной разведки CERES, а также совершенствование системы наблюдения за космическим пространством GRAVES. В общей сложности к 2030 г. будет запущено не менее девяти военных спутников [3].

9 марта 2021 г. французская газета Les Echos сообщила о подготовке военных учений в космосе под названием AsterX. В процессе учений будет осуществлена проверка возможностей реагирования соответствующих подразделений на такие потенциально опасные события как обнаружение в космическом пространстве угрожающих объектов или спутников-шпионов. В AsterX также принимают участие Космические силы США и космическое агентство ФРГ [5].

Также о создании космического командования заявила Великобритания. В качестве повода британские военные назвали необходимость единого управления космическими программами и активами страны [10].

Таким образом, США и другие страны НАТО активизируют свою военную политику в космосе. Проведение практических учений является наиболее показательным примером. Такие шаги ведут к ответным мерам со стороны прочих космических держав и могут развязать гонку сначала оборонительных, а потом и наступательных вооружений.

Россия

Россия, в отличие от многих других стран, уже с 2011 г. имеет войска воздушно-космической обороны (Воздушно-космические силы Российской Федерации с 2015 г.). В их задачи входит: «отражение агрессии в воздушно-космической сфере и защита от средств воздушно-космического нападения противника, поражение противника с применением как обычных, так и ядерных средств поражения; поражение головных частей баллистических ракет вероятного противника; наблюдение за космическими объектами и выявление угроз в адрес России; осуществление запусков космических аппаратов на орбиты, применение отдельных из них в интересах обеспечения войск необходимой информацией» [19].

Российская Федерация последовательно выступает за разработку на базе существующих соглашений конкретных обязывающих документов, способных предотвратить милитаризацию космического пространства. Еще в октябре 2004 г. Россия в одностороннем порядке взяла на себя политическое обязательство не размещать первой оружие в космосе. С 2008 г. совместно с Китаем ведется работа по договору о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК) [17].

В декабре 2019 г. президент В. В. Путин выступил с заявлением, что Россия против милитаризации космоса, но отметил, что современная ситуация требует ответных мер [18].

24 февраля 2021 г. министр иностранных дел РФ С. В. Лавров в рамках Конференции по разоружению в Москве выступил с речью, в которой выразил обеспокоенность в связи с нарастанием гонки вооружений в космосе, но отметил: «Еще имеется шанс выработать общеприемлемые юридически обязывающие меры, способные предотвратить силовое противостояние в космическом пространстве. Российско-китайский проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов <...> является хорошей для этого основой» [11].

Исходя из приведенных данных, можно заключить, что Россия придерживается миролюбивой позиции, направленной на сдерживание гонки вооружений в космосе. Подтверждением этому служит активная позиция России в ООН. Российская делегация постоянно вносит предложения и резолюции о создании четкой нормативной базы в отношении космоса. С таким же постоянством США, Израиль и Украина препятствуют этому. Данные действия и политика других космических держав вынуждают Россию развивать космические технологии, в том числе и военные.

Китай

В 2007 г. Китай стал третьей страной, продемонстрировавшей способность уничтожать объекты на околоземной орбите [15]. Предполагается, что в испытаниях участвовала перспективная противоспутниковая ракета, уничтожившая собственный устаревший метеорологический спутник, запущенный в 1999 г. Эти учения были осуждены мировым сообществом, но Китай в ответ заявил, что он выступает против милитаризации космоса и любой формы гонки вооружений.

В 2016 г. Китай запустил на орбиту аппарат, предназначенный для перемещения космического мусора, такого как старые спутники. Существуют мнения, что таким образом КНР готовит технические средства для удаления с орбиты чужих (потенциально опасных для неё) спутников и иных объектов [16]. Также Китай проводит перспективные исследования в области лазерных технологий для выведения из строя оптических датчиков космических аппаратов и исследования в области возможностей разведки в космическом пространстве [8].

Стратегия КНР по доминированию в космосе была подробно изложена в ежегодном отчете комиссии Конгресса США по обзору экономики и безопасности. В частности, предупреждается, что Китай хочет доминировать в зоне между Землей и Луной, а также планирует создать постоянную базу на Луне в рамках двойной военной и коммерческой

программы. «Пекин явно считает, что страна, ведущая в космосе, может также доминировать в экономическом и военном отношении на Земле», – говорится в докладе.

Аналогичным образом, Объединенный штаб китайских военных в 2018 г. заявил, что цель заключается в достижении «космического превосходства» – контроля над космосом и устранения любых наземных или космических угроз. Китайское руководство поставило амбициозные цели стать к 2030 г. «универсальной космической державой» [6].

В то же время Китай проводит миролюбивую дипломатическую политику, выступая соавтором и поддерживая резолюции России: «О неразмещении первыми оружия в космосе», «Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве» и многие другие.

Хотя исторически КНР была лишь пятой по счету космической державой, к XXI в. Китай смог догнать, а в некоторых моментах и обогнать, ведущие космические державы. Это говорит о большом потенциале китайской космической программы. Во многом это обусловлено политической системой страны, делающей финансирование и планирование менее уязвимым при ситуативных колебаниях политического курса, как это происходит, например, в США. Кроме того, несмотря на разницу в расходах, космическая программа Китая имеет преимущества перед США: в частности, в результате сконцентрированности на Луне в качестве базы для будущих космических исследований.

Исходя из фактических успехов и амбициозных планов Китая, можно заключить, что КНР имеет огромные перспективы по освоению космоса, что очень беспокоит США, которые сами желают доминировать в данной области. Тем не менее, действия Китая в ООН по противодействию милитаризации космоса показывают, что Китай не имеет намерений обострять ситуацию. В то же время, КНР не хочет быть уязвимой для других стран, что способствует развитию национальной космической программы.

Индия

Индия также успешно развивает собственную космическую программу. В 2017 г. страна побила мировой рекорд по количеству спутников, запущенных с помощью одной ракеты. Индия отправила в космос сразу 104 спутника. По мнению экспертов, этот запуск можно назвать историческим не столько из-за количества спутников, сколько от того, что Индия обозначила свои планы стать ключевым игроком на рынке вывода объектов на орбиту.

Сотрудник Индийской службы Би-би-си в Дели, Винита Харе рассказал о планах Индии в космосе: «У нее несколько задач. Прежде всего, Индия хочет полагаться только на себя, быть совершенно независимой от других стран. Во-вторых, Индия хочет показать всему миру, что ее космическая программа обходится гораздо дешевле, чем подобные программы в других странах – в США, в России, в странах Европы. Космическая программа,

ее столь большие достижения – это также предмет национальной гордости. Более того, в космической программе есть и оборонный аспект, о котором, правда, нечасто говорят в стране. Благодаря ей Индия держит в поле зрения не только происходящее в космосе, но и происходящее в небе у ее «неспокойных» соседей, как с запада, так и с востока» [14].

27 марта 2019 г. Индия провела свое первое противоспутниковое испытание (ASAT). Под кодовым названием «Миссия Шакти» противоракетная баллистическая ракета-перехватчик в течение трех минут преодолела 300 километров и уничтожила действующий спутник Индии на низкой околоземной орбите. Ракета-перехватчик была разработана Индийской организацией оборонных исследований и разработок (DRDO).

Испытание ASAT продемонстрировало способность Индии поражать вражеские объекты в космосе, которую, судя по отчётам, DRDO имеет с 2012 г., но продемонстрировала только сейчас. Опасения, что Китай может поставить под угрозу ее критическую инфраструктуру, побудили Индию продемонстрировать собственный карательный потенциал в качестве сдерживающего фактора для любого китайского принуждения. Это был первый случай, когда DRDO была вовлечена в космическую миссию, и первый раз, когда Индийская организация космических исследований (ISRO) участвовала в испытании оружия [2].

Выводы

Резюмируя вышеобозначенные аргументы, следует отметить, что ситуация значительно изменилась с появлением новых космических держав. На сегодняшний день Китай, Индия и некоторые другие страны успешно развивают свои космические программы, в том числе и в военном направлении. НАТО официально заявила о включении космоса в свою сферу операций. Франция, США, Великобритания объявили о создании военно-космических сил и подразделений. Индия и Китай успешно провели испытания противоспутникового оружия. Инициативы России и Китая, направленные на демилитаризацию космоса, были приняты, но встретили сопротивление, главным образом, со стороны США. Нежелание ключевого игрока принимать на себя юридические обязанности, ограничивающие его военно-космическую деятельность, делает невозможным заключение юридически обязывающих договоров. Таким образом, обозначаются явные предпосылки к началу открытой гонки вооружений в космосе.

Средства к её предотвращению должны базироваться на принципе неприменения силы в космическом пространстве. Во-первых, для этого необходимо разработать и утвердить общепризнанный кодекс действий в космическом пространстве и процедуру разрешения конфликтных ситуаций. Принятие ведущими космическими державами подобного документа изменить отношение ключевых акторов к взаимоотношениям в данной сфере и создать фундамент для выработки более обязывающих и формализованных соглашений.

Во-вторых, очень важно создать полномочную международную организацию, наблюдающую за действиями в космосе и разрешающую конфликтные ситуации, чтобы они не выходили из-под контроля и оперативно разрешались. Также эта организация должна вести контроль за запускаемыми в космос объектами, чтобы удостовериться в отсутствии на их борту оружия, а также, что сами эти объекты не являются оружием.

В-третьих, необходимо повысить уровень открытости космической деятельности и доверия между ключевыми державами в данной сфере. При более полном раскрытии информации о своей космической деятельности акторы могли бы избежать обвинений и подозрений в желании использовать космос в военных целях. Привлечение к сотрудничеству других стран будет способствовать не только развитию доверительных отношений, но и придаст импульс в процессе освоения космоса, так как, учитывая большие финансовые затраты и необходимость серьезных научных изысканий, любое государство или коммерческая компания сталкиваются с серьезными трудностями, которые могут быть успешно преодолены лишь при условии совместной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Committee on the Peaceful Uses of Outer Space [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/index.html> (дата доступа 18.04.2021).
2. Critical Shifts in India's Outer Space Policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thediplomat.com/2019/04/critical-shifts-in-indias-outer-space-policy/> (дата обращения 18.04.2021).
3. Face aux nouvelles menaces spatiales, la France passe à l'offensive [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usinenouvelle.com/article/face-aux-nouvelles-menaces-spatiales-la-france-passe-a-l-offensive.N896294> (дата обращения 18.04.2021).
4. France to create new space defence command in September [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-europe-48976271> (дата обращения 18.04.2021).
5. La France lance AsterX, son premier exercice militaire spatial [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/paris-annonce-un-premier-exercice-militaire-spatial-1296757> (дата обращения 18.04.2021).
6. Pentagon races to end China's 'dream' of military domination in space [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.washingtontimes.com/news/2019/nov/24/china-raises-space-military-challenge-us/> (дата обращения 18.04.2021).

7. Space Force: Trump officially launches new US military service [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-50876429> (дата обращения 18.04.2021).
8. Vulnerable satellites: the emerging arms race in space [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pressfrom.info/uk/news/tech-science/-370194-vulnerable-satellites-the-emerging-arms-race-in-space.html> (дата обращения 18.04.2021).
9. Антонов А. И. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 4 (25). – С. 192.
10. Британцы занялись созданием Космического командования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nplus1.ru/news/2020/01/16/spaceCommand> (дата обращения 18.04.2021).
11. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4594359 (дата обращения 18.04.2021).
12. Генеральный секретарь: по мере того, как меняется мир, НАТО будет продолжать меняться [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_171581.htm (дата обращения 18.04.2021).
13. Гончарова К. А., Сафронов В. В. Правовое регулирование использования космического пространства в мирных целях // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – Т. 2. – № 8. – 2012. – С. 332-333.
14. Индия запустила в космос сразу 104 спутника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-38977943> (дата обращения 18.04.2021).
15. Китай сбил свой собственный спутник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2010/07/19/sputnik-site-anons.html> (дата обращения 18.04.2021).
16. Китайская космическая программа: что о ней известно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-46746363> (дата обращения 18.04.2021).
17. Предотвращение размещения оружия в космосе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/mnogostoronnij-razoruzenceskij-mehanizm-oon/-/asset_publisher/8pTEicZSMOut/content/id/1127371 (дата обращения 18.04.2021).
18. Путин призвал укрепить ракетно-космическую отрасль России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/12/04/817885-raketno-kosmicheskuyu-otrasl> (дата обращения 18.04.2021).
19. Указ Президента РФ от 7 декабря 2015 г. № 597 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512070044> (дата обращения 18.04.2021).

ЗУЕВ И. С.

**ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ
СУВЕРЕНИТЕТА МИКРОГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются способы и факторы, позволяющие карликовым государствам сохранять собственную независимость. На примере Лихтенштейна, Монако и Сан-Марино автор анализирует причины, по которым микрогосударства не только не исчезают с политических карт, но и активно развиваются, не опасаясь агрессии со стороны соседей.

Ключевые слова: международные отношения, карликовые государства, микрогосударства, внешний суверенитет, независимость, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино.

ZUEV I. S.

**FACTORS AND MECHANISMS FOR PRESERVING
SOVEREIGNTY OF EUROPEAN MICROSTATES**

Abstract. The article examines the ways and factors that allow microstates to maintain their own independence. Considering the cases of Liechtenstein, Monaco, and San Marino, the author analyzes the reasons why microstates not only do not disappear from the political maps, but also actively develop without fear of aggression from their neighbors.

Keywords: international relations, microstates, external sovereignty, independence.

Тема влияния различных факторов на внешний суверенитет микрогосударств и их положения на международной арене к нынешнему моменту достаточно хорошо изучена. Ее затрагивают работы различных авторов, которые выделяют политические и правовые аспекты данной проблемы. Отдельно стоит отметить труды И. Ю. Окунева – автора монографии «Геополитика микрогосударств» и ряда других значимых публикаций, посвященных микрогосударствам [8; 9]. В отечественной научной литературе данная тема нашла отражение также в работах О. С. Галиевой [4], М. Б. Нефедовой [7], Г. С. Подскребалина [11], В. А. и С. В. Штокало [14]. Среди зарубежных научных исследований стоит отметить публикации И. В. Габро и М. А. Милашич [3], Дж. Каппеллутти [5], М. Лукашевски [1], М. Мареско [2].

Сейчас в мире насчитывается более тридцати карликовых государств, из которых семь расположены в Европе. Почти все эти страны не имеют собственного оборонного комплекса и армии, а на международной арене их влияние намного слабее, чем у более крупных соседей. В микрогосударствах небольшое население, неспособное оказать сопротивление возможной экспансии, а скудное количество промышленных и сельскохозяйственных объектов ставит

крест на возможности их автономного существования в кризисные времена. В данной статье в качестве основного фактора, влияющего на внешний суверенитет, рассматривается сфера международных отношений. С помощью анализа внешней активности государства можно дать ответ на вопрос о том, за счёт чего микрогосударства сохраняли и сохраняют собственный суверенитет.

В рамках данной работы под внешней политикой микрогосударства будет пониматься определённое направление деятельности правительства микрогосударства на международной арене, осуществляемое посредством применения определённых механизмов и преследующее цель сохранения и укрепления внешнего суверенитета страны-субъекта. Из данного определения вытекает необходимость прояснить понятие механизма как устоявшейся системы действий, решений, мероприятий и т.д., объединённых общей локальной целью (например, для механизма нейтральной внешней политики, который будет более подробно рассмотрен далее, это сохранение позиции невмешательства микрогосударства в дела других стран). Под факторами в данном исследовании подразумеваются явления, предметы, факты или их совокупность, оказывающие влияние на внешний суверенитет и на карликовые страны в целом.

Феномен карликовых государств невозможно объяснить без обращения к их истории. Раньше в мире было куда больше карликовых государств, возникновение которых объясняется естественными процессами и этапами развития почти любого общества, в частности феодальной раздробленностью. Лавинообразное дробление европейских стран на более мелкие образования началось в IX веке с распада Франкского государства и продолжалось, как принято считать, до XII века. Уже к XIV-XV векам на территории нынешней Германии, Северной Франции, Бенилюкса и Италии существовало огромное число микрогосударств.

При этом обращение к политической карте современной Европы показывает, что большая часть этих государств к настоящему времени уже перестала существовать. Это объясняется тем, что за периодом феодальной раздробленности в Европе следует период централизации стран, т.е. их объединения. Он начался в XIII-XV веках в особенности благодаря вытеснению натуральных хозяйств товарными, развитию внутренней торговли, формированию новой политической структуры европейских государств и, в некоторых случаях, наличию общего противника у феодалов. Здесь же следует отметить, что государства на этапе централизации объединялись и формировались из более мелких образований (уделов, герцогств, княжеств, республик и т.д.) не в последнюю очередь отталкиваясь от национального сходства объединяемых частей. Это и стало причиной исчезновения почти всех микрогосударств.

При этом несколько подобных образований все же дожило до наших дней. Чтобы понять, как это произошло, проанализируем основные вехи развития и текущее состояние

внешнего суверенитета трех ныне свободных карликовых государств Европы: Сан-Марино, Монако и Лихтенштейна.

Анализируя политическую историю Сан-Марино, можно прийти к выводу о том, что основной фактор, влиявший на суверенитет республики – это международные отношения, так или иначе затронувшие эту страну и вынудившие ее определённым образом реагировать на влияние данного фактора. В XVII веке Сан-Марино оказалось в окружении земель, подконтрольных Папской области, что повлекло за собой необходимость правительства республики пойти на сближение с Папством. В результате этого сближения был заключён таможенный договор между государствами. Тем не менее, уже в XVIII веке между Сан-Марино и Папством возникали конфликты, главным образом вызванные устоявшимся тогда статусом республики как убежища для противников правительств соседних стран. В том же веке страна чуть не исчезла с политических карт навсегда из-за отказа освободить из-под стражи персон, связанных с правительством Папской области [5, с. 160], что можно считать результатом неадекватной реакции на влияние фактора международных отношений. Республика не обладала ни внешнеполитическими связями, ни войсками для отражения возможной агрессии со стороны более сильного государства, а потому не имела иного выбора кроме как принять соответствующие требования. В дальнейшем внешняя политика Сан-Марино включала в себя заключение дружеского союза с Наполеоном; выживание республики в ходе Рисорджименто; достижение экономических и политических договорённостей с Итальянским государством в 1862 году [5, с. 162]; сохранение нейтралитета в ходе Первой мировой войны; сотрудничество с итальянскими фашистами, позволившее сохранить суверенитет микрогосударства, и в то же время сохранение нейтралитета во Второй мировой войне; дальнейшее развитие сотрудничества с ближайшим соседом – Италией. Важно отметить, что в 2009 году между Италией и Сан-Марино было заключено соглашение, согласно которому по сей день граждане обеих стран уравниваются в трудовых правах и обеспечивается совместная эксплуатация упомянутыми государствами аэропорта в Римини.

История Монако сложилась несколько иначе. Это карликовое государство не выстояло во время революционных потрясений во Франции последней четверти XVII века и было аннексировано ею. Позже в 1815 году по условиям Парижского договора Монако получило частичный суверенитет под протекторатом Сардинского королевства. В 1860 году из Монако были выведены сардинские войска, что означало конец протектората, а в 1861 году был заключён договор с Францией, по которому карликовое государство признавалось независимым. В годы Второй мировой войны правительство Монако всеми силами старалось сохранить нейтралитет, однако страна всё равно была оккупирована итальянской армией в 1942 году. После войны её суверенитет был восстановлен странами, одержавшими победу.

Таким образом, мы вновь наблюдаем проявление фактора международных отношений. За всю свою историю эта страна несколько раз была аннексирована и долгое время находилась под протекторатом Сардинского королевства. Тем не менее, Монако постоянно восстанавливалось по условиям мирных договоров, а вследствие Туринского договора и присоединения по его условиям к Франции Савойи и Ниццы в 1860 году был завершён протекторат под Сардинским королевством.

В истории Лихтенштейна чётко прослеживается влияние того же фактора, который был выделен ранее. Стоит отметить, что территория княжества мала и небогата ресурсами (это может быть примером проявления другого фактора – географического положения государства). Вероятно, это и уберегло его от экспансионистских настроений соседних стран. Этим объясняется и довольно скудное влияние на эту страну международных взаимоотношений. При всём этом Лихтенштейн не соперничал с какими-либо другими странами (отчасти по той причине, что у него не было полноценного войска), а в 1862 году княжество объявило о сохранении нейтралитета во всех последующих конфликтах. Такой подход в сочетании с непримечательным расположением страны оказался наиболее выгодным вариантом внешней политики. Это подтверждается тем, что нейтральная позиция Лихтенштейна была учтена в Первой и Второй мировых войнах.

В целом, мы можем выделить три основных аспекта, объединяющих рассматриваемые микрогосударства. Во-первых, их историю объединяет наличие фактора международных отношений, влияющего на внешний суверенитет любых стран. Безусловно, он важен для любого государства, однако в случае карликовых государств он обладает крайне сильным и непосредственным влиянием на внешний суверенитет. Другие факторы (географическое положение, окружающая среда и климат, внутригосударственное развитие) тоже значимы, но все же уступают в своем влиянии. Во-вторых, в истории каждого из этих трёх микрогосударств можно встретить применение различных механизмов, позволяющих либо использовать влияние ранее обозначенного фактора, либо нейтрализовать его в зависимости от характера этого влияния. В-третьих, прослеживается следующая закономерность: непродуманная реакция микрогосударства на влияние рассматриваемого фактора, представляющая собой применение механизмов, не соответствующих исторической ситуации, всегда приводила к угрозе утраты карликовым государством внешнего суверенитета. Всё это подводит нас к логичному выводу: для сохранения и укрепления положения своего суверенитета правительство микрогосударства должно наиболее адекватным ситуации путём реагировать на положительное или отрицательное влияние различных факторов, применяя для этого определённые механизмы. Эти механизмы преимущественно направлены на нейтрализацию самой возможности начала военного конфликта, так как в непосредственном столкновении с

более сильным противником микрогосударство имеет мало шансов на выживание. Это в свою очередь требует учёта причин потенциальных войн и, соответственно, подбор механизмов, отвечающих определённой ситуации.

Для начала обратим внимание на уже упоминавшийся механизм принятия карликовым государством нейтральной позиции в международной политике. В качестве примера эффективности может выступать Княжество Лихтенштейн: нейтралитет этой страны по сей день остаётся нетронутым. При этом следует отметить следующее: если расположение микрогосударства имеет стратегическое значение для более сильных и крупных стран, то невзирая на возможные негативные для агрессора последствия нейтралитет может быть им нарушен, как это неоднократно происходило с Люксембургом в XX веке. Таким образом выходит, что подобный механизм применим преимущественно в тех случаях, когда географическое положение карликового государства не представляет собой стратегически важной точки для агрессора или тогда, когда за независимость такого государства вступаются другие страны.

Следующей парой механизмов являются сближение и дистанцирование. Первый, очевидно, нацелен на сближение микрогосударства с какой-либо страной или группой стран. Такой механизм особенно эффективен в случаях, когда определённая страна оказывается в экономической или политической изоляции, против которой микрогосударство может пойти без ухудшения отношений со странами, установившими изоляцию. Данный механизм может помочь карликовому государству обрести крепкими связями с сильными странами. В качестве примера приведем современную политику Сан-Марино по отношению к России. Как известно, Российская Федерация на сегодняшний день вынуждена развиваться в условиях относительной экономической и политической изоляции от стран Евросоюза. Сан-Марино, не входящее в состав этого объединения, отвергло идею наложения экономических санкций и в скором времени стало мостом между Россией и Европой [9; 10]. Это, в свою очередь, стало толчком к более тесному сотрудничеству двух стран, благодаря которому республика теперь может рассчитывать на поддержку России в международных делах [11].

Механизм дистанцирования нацелен наоборот на дипломатическое отдаление микрогосударства от страны, например, ведущей агрессивную внешнюю политику и испытывающей международное порицание и недоверие. Такой подход позволяет карликовому государству сблизиться с группой стран или отдельной страной, которые являются противниками объекта данного механизма. Примером могут послужить взаимоотношения Лихтенштейна с Россией. Лихтенштейн принял участие в наложении санкций на Россию и некоторых отдельных её граждан [6].

Далее следует проанализировать механизмы повиновения и дипломатического сопротивления. Первый являет собой повиновение микрогосударства требованиям или ультиматуму другого государства. Такой механизм применяется обычно в ситуациях, когда за микрогосударством нет других стран, потенциально способных защитить его суверенитет и когда само карликовое государство также не может самостоятельно дать отпор объекту механизма. Зачастую применение данного механизма также сопряжено с поиском компромисса. Например, в 2011 году Парламентская ассамблея Совета Европы заблокировала мандат делегации Сан-Марино. Причиной такого решения послужило слишком малое количество представителей женского пола в составе делегации. В итоге в Сан-Марино был принят закон, согласно которому женщинам предоставлялось не менее одной трети партийных списков.

Второй же механизм должен использоваться тогда, когда у микрогосударства, отказывающегося исполнять определённые требования другой страны, есть возможности для отражения потенциальной агрессии со стороны объекта механизма. Они могут быть выражены в наличии внешнеполитических связей, положительно влияющих аспектов географического фактора, готовности к боевым действиям собственных армий. На сегодняшний день созданы условия, при которых необходимость применения данного механизма сводится к минимуму.

Благодаря ускорению процессов глобализации сформировалась система организаций и объединений, которые позволили различным странам значительно сблизиться друг с другом, предоставляя им возможность и необходимость быстро и решительно реагировать на действия агрессоров. Сегодня именно возможная реакция мирового сообщества на чью-либо агрессию является основным гарантом суверенитета микрогосударств, что является примером увеличения положительного влияния фактора международных взаимоотношений на суверенитет не только карликовых государств, но и всех остальных стран. В качестве примера современной международной организации однозначно стоит выделить ООН, в основной круг задач которой входит сохранение мира во всём мире путём оказания совместного отпора странам-агрессорам, который может выражаться как в наложении санкций, так и в миротворческой военной интервенции.

С распространением идей гуманизма и развитием процессов глобализации общественных отношений связано постепенное изменение эффективности некоторых механизмов сохранения внешнего суверенитета. Так, благодаря формированию системы мирового сообщества, которое так или иначе стремится не доводить политические конфликты до войн, использование, например, механизма объявления нейтральной позиции во внешней политике стало более обоснованным решением, ведь теперь в ответ на угрозу чьему-либо суверенитету большее количество стран готово высказать своё возмущение и оказать поддержку пострадавшей стране.

Важно выделить следующую составляющую фактора международных отношений – покровительство. На сегодняшний день некоторые микросоударства Европы имеют собственных покровителей в лице более сильных соседей: например, покровителем Монако выступает Франция, а покровителем Республики Сан-Марино – Италия. Отношения между покровителем и микросоударством обычно складываются следующим образом: государство-покровитель защищает микросоударство на международной арене и активно сотрудничает с ним во всех сферах общественной жизни, взамен забирая у него некоторую долю внешнего суверенитета (например, получая право неограниченного прохода войск через территорию карликового государства или определённым образом воздействуя на его правительство). В целом влияние данной составляющей можно охарактеризовать в современных реалиях как положительное, ибо большую часть внешнего суверенитета микросоударство сохраняет, взамен получая сильного союзника на международной арене [14, с. 135].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в современном мире микросоударства сохраняют и укрепляют свой внешний суверенитет. Отметим, что до XXI века дожило небольшое количество микросоударств, влияние фактора международных отношений на которые было более положительным, чем на те, которые свою независимость в итоге потеряли. Помимо этого, дожившие до наших дней микросоударства в основном умело использовали различные механизмы, позволявшие им компенсировать негативное влияние основного фактора и приумножать плоды от его положительного влияния. Некоторые современные карликовые государства обладают собственным покровителем – более сильной страной, готовой взять на себя некоторые издержки малого государства и развивать с ним многостороннее сотрудничество, взамен частично подчиняя его себе. Наконец, в течение XX века в мире активно создавались условия для формирования международных организаций и объединений, представляющих собой системы обороны стран от действий агрессоров. В конце концов, современная умеренная внешняя политика карликовых государств и их нацеленность на сотрудничество оказывает положительное влияние на взаимоотношения с другими странами, что также предупреждает для них угрозу потери независимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lukaszewski M. Research on European microstates in social science. Selected methodological and definitional problems // *Ad Alta. Journal of interdisciplinary research*. – 2011. – Vol. 1. – pp. 74-77.
2. Maresceau M. The relations between the EU and Andorra, San Marino and Monaco // *Law and Practice of EU External Relations*. – January 2008. – pp. 270-308.

3. Габро И. В., Милашич М. А. Сущность микрогосударств и их правовое равенство в современном мире // Современное общество и власть. – 2016. – № 4 (10). – С. 92-96.
4. Галиева О. С. О сущности суверенного государства на примере анализа современных микрогосударств // Юридические науки: проблемы и перспективы. Материалы IV Международной научной конференции. – 2016. – С. 46-50.
5. Джузеппе Каппеллутти: Сан-Марино без санкций. Большие возможности маленькой страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gorchakovfund.ru/news/view/dzhuzeppe-kappelluti-san-marino-bez-sanktsiy-bolshie-vozmozhnosti-malenkoj-strany/> (дата обращения: 15.04.2021).
6. ЕС приветствовал присоединение четырех стран к санкциям против РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/738365> (дата обращения: 15.04.2021).
7. Нефедова М. Б. Карликовые государства Европы на мировой политической шахматной доске: история и современность // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 11 (67). – С. 102-110.
8. Окунев И. Ю. Геополитика микрогосударств. – М., 2014. – 243 с.
9. Окунев И. Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микрогосударств) // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 162-174.
10. Печников Б. А. Цифрами на карте обозначены. – М., 1986. – 253 с.
11. Подскребалин Г. С. Особенности развития микрогосударств Европы // Актуальные проблемы и перспективы развития туризма. Материалы студенческой научно-практической конференции. – 2009. – С. 37-44.
12. Сан-Марино готова стать «окном в Европу» для российских компаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/738901/tatiana-gladysheva/san-marino-gotova-stat-oknom-v-evropu-dlia-rossiiskikh-kompanii> (дата обращения: 15.04.2021).
13. Сан-Марино не ввело санкций в отношении России в силу древнего принципа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3917709> (дата обращения: 15.04.2021).
14. Штокало В. А., Штокало С. В. Развитие сотрудничества с карликовыми государствами: неисчерпаемый потенциал // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 11. – С. 134-137.

ИДРИСОВА А. И.

**РАЗВИТИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
ПОСЛЕ ВЫХОДА ИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА**

Аннотация. В статье раскрывается процесс изменений в британской миграционной политике, катализатором которого послужил выход Великобритании из Европейского Союза. Описывается новая, предложенная правительством Бориса Джонсона, миграционная система, благодаря которой в 2021 г. планируется решить вопрос о сокращении потока иммигрантов в страну.

Ключевые слова: миграционная политика, демография, миграция, Европейский Союз, мигранты, квалификация, визы, балльная система, экономика.

IDRISOVA A. I.

**DEVELOPMENT OF UK MIGRATION POLICY
AFTER LEAVING EUROPEAN UNION**

Abstract. The article reveals the process of changes in the British migration policy which was catalyzed by the UK's exit from the European Union. A new migration system proposed by the government of Boris Johnson is described due to which it is planned to solve the problem of reducing the flow of immigrants to the country in 2021.

Keywords: migration policy, demography, migration, European Union, migrants, qualifications, visas, points system, economy.

Исследования миграционных процессов в Европе в последние годы отличаются повышенной актуальностью, так как порождаемые ими проблемы оказывают влияние на все мировое сообщество. К Великобритании после ее выхода из Европейского Союза приковано особое внимание. В отечественной политической науке эта проблема изучается в трудах таких исследователей как Г. А. Карпов [3], З. А. Расуева [4], Р. А. Рябчиков [5], О. А. Савельева и Е. А. Середкина [6], Е. А. Уколова [7], Д. С. Шубина [8] и другие.

Британское миграционное законодательство всегда отличалось своей строгостью. И неудивительно, что в настоящий момент британское правительство хочет ужесточить миграционную политику и закрыть границы государства для мигрантов. Во-первых, это связано с традицией Великобритании принимать, в первую очередь, мигрантов из стран-членов Содружества наций [5, с. 175]. А во-вторых, прослеживается связь с относительно низкой потребностью национальной экономики в притоке зарубежных трудовых ресурсов.

Неразрывно связаны с миграционной политикой и демографические показатели в стране. Численность населения в Великобритании стабильно увеличивается. Так, к 2030 г. ожидается увеличение численности населения до 71 352 687 человек [4, с. 91]. К тому же в Великобритании не наблюдается такой проблемы, как старение населения, т. к. растет процент экономически активных граждан в возрасте от 15 до 64 лет. Уровень безработицы среди населения от 15 до 64 лет, напротив, снижается [4, с. 91]. Все эти показатели указывают на относительно низкую потребность государства в зарубежных трудовых ресурсах, за исключением профессий, требующих низкой квалификации или не требующих квалификации вообще.

Однако чистая миграция в Великобританию не уменьшается. Напротив, согласно статистике, в 2018 г. в страну въехали 261 тыс. человек из стран за пределами Европейского союза [7, с. 177]. И это самый высокий показатель за последние годы. Но чистая миграция в Великобританию из стран-членов ЕС, наоборот, снизилась до 57 тыс. человек согласно показателям 2018 г.

Процесс развития иммиграции в Великобританию всегда имел свои особенности. Во-первых, он начался раньше, чем в других странах ЕС, благодаря возможностям свободного передвижения в пределах Содружества наций [5, с. 176]. А во-вторых, и процесс закрытия границ также начался раньше [3, с. 66].

Уже в 1960-х гг. строгие миграционные законы Британии предусматривали квоты на въезд в страну для мигрантов из Содружества [6, с. 888]. Однако по инициативе лейбористского правительства квоты начали сокращать, а концу 1960-х гг. свободный доступ в страну получали лишь те, кто в ней родился или имеют там своих родственников [5, с. 176].

Иммиграционный закон 1971 г. и Закон о национальности 1981 г. продолжили ужесточать национальную миграционную политику и процесс узаконивания мигрантов в течение следующих 20 лет [5, с. 177]. В результате эти законы осуществляли некое отсеивание из числа прибывающих мигрантов, разрешая пересечение границ только коренным британцам, их родственникам, а также высококвалифицированным работникам. Что касается работников со средней или низкой квалификацией, то им практически невозможно попасть в страну, за исключением сезонных сельскохозяйственных трудящихся.

Вступление Великобритании в Европейский союз изменило подход британских властей к миграционной системе. Однако Великобритания оставила за собой право не вступать в Шенгенскую зону и сохранить на границе контроль за гражданами, прибывающими из стран ЕС. Более того, Четвертый протокол к Амстердамскому договору дает Великобритании право принимать или не принимать участие в международной деятельности, касающейся

миграционной политики [5, с. 178]. К тому же Великобритания не имеет опыта организации целых кампаний для привлечения зарубежных трудовых ресурсов в страну и соответствующих законодательств, которые регулировали бы те или иные действия в этой сфере.

Исходя из этого четко прослеживается позиция британского государства принимать в страну преимущественно тех иммигрантов, которые могут принести определенную пользу для экономической системы Великобритании [7, с. 177]. Эта тенденция полностью поддерживается нынешним британским правительством во главе с Борисом Джонсоном. Так, правительство предложило ввести новые иммиграционные правила к началу 2021 г., когда страна окончательно разорвала отношения с ЕС [1].

По словам самого правительства, эти новые правила облегчат процесс поиска работы для коренного населения страны. К тому же в правительстве утверждают, что после окончательного выхода из ЕС акцент будет делаться не на страну, из которой прибывает иммигрант, а именно на квалификацию и профессиональные качества работников [2]. Так, чтобы все трудящиеся находились в равных условиях. Что касается неквалифицированных работников, то в ближайшем будущем по новым миграционным правилам, если миграционная реформа будет принята, эта категория трудящихся не получит британскую рабочую визу.

Правительство Бориса Джонсона планирует ввести балльную систему для регулирования миграционных потоков, опираясь на опыт Австралии и Канады [8, с. 77]. По словам министра внутренних дел Притти Пател, правительство осуществляет волеизъявление самих британцев, преимущественно тех, кто поддерживает Консервативную партию [1]. Т.е. рабочие визы смогут получить только те иммигранты, которые наберут определенное количество баллов. Так, например, 20 баллов можно получить за профессиональную квалификацию и наличие опыта, предложение от потенциального работодателя и наличие квалификации в дефицитной для экономической системы Великобритании сфере [2]. На данный момент в список дефицитных специальностей уже входят инженеры-строители, врачи-терапевты, медицинские сестры, психологи и артисты балета. 10 баллов будет начислено иммигрантам с требуемым уровнем знания английского языка, а также за наличие диплома по специальности. За высшее образование, специальность которого входит в круг дефицитных в Великобритании, иммигрант сможет получить еще 20 баллов. Более того, баллы можно получить и за потенциальную заработную плату в год: от 10 до 20 баллов в зависимости от суммы. В результате, максимально можно получить 110 баллов [2]. А для того, чтобы была выдана рабочая виза необходимо набрать 70 баллов.

Тем не менее, такая балльная система может стать препятствием для тех, кто не имеет конкретной профессии, т.к. только предложение от потенциального работодателя и наличие требуемого уровня английского языка не помогут набрать необходимую сумму баллов. И в результате сфера услуг, зачастую требующая трудящихся с низкой квалификацией, может остаться незаполненной. Однако в правительстве уверяют, что того количества иммигрантов из ЕС, которое уже находится в Великобритании, будет достаточно для того, чтобы заполнить сферы, не требующие специалистов с высокой квалификацией. По словам Притти Пател, в Великобритании не задействованы около 8 млн человек в возрасте от 16 до 64 лет, которые считаются экономически неактивным населением [2]. Именно эту группу людей можно задействовать в незаполненные сферы, которые потенциально могли бы пострадать от нехватки неквалифицированных иммигрантов. Поэтому чиновники призывают владельцев бизнеса постепенно приспосабливаться к новым реалиям.

Однако Консервативная партия уверяет, что запланированы и некоторые исключения. Например, ожидается увеличение количества сезонных сельскохозяйственных трудящихся. Также правительство обещает сохранить существующую «Программу молодежной мобильности», с помощью которой в страну могут въезжать до 20 тыс. молодых иммигрантов в год [1].

Таким образом, правительство стремится удержать баланс, а именно привлечь больше квалифицированных специалистов и сократить количество иммигрантов с низкой квалификацией.

Но несмотря на это, не все в Великобритании поддерживают такую перспективу. Лейбористская партия выражает резкую критику в отношении предлагаемой миграционной реформы, т.к. такие изменения в миграционной системе могут привести к определенным сложностям в привлечении зарубежных трудовых ресурсов. По мнению теневого министра внутренних дел Дайаны Эббот, попытки правительства сохранить баланс в отношении миграционной реформы приведут к тому, что будет сделано большое количество исключений, в результате которых реформа потеряет первоначальный смысл [2]. К тому же не исключены массовые протесты населения, которые повлекут за собой новые миграционные правила.

С появлением в стране новостей о планах правительства ужесточить миграционную систему граждане государства, некоторые организации и объединения заняли различные позиции. Так, например, Конфедерация британской промышленности – самое крупное объединение работодателей в Великобритании – частично поддерживает миграционную реформу, выражая при этом опасения владельцев бизнесов относительно дальнейшего процесса трудоустройства граждан. А директор лаборатории миграции Оксфордского

университета Мадлен Сампшен прямо заявила, что такие изменения могут негативно сказаться на тех сферах бизнеса, где необходимы неквалифицированные работники [2]. К тому же, по словам представителей Королевского колледжа медсестер, данная реформа упускает из вида особенности сферы здравоохранения, где также необходимы неквалифицированные специалисты, которые выполняют функции ухода за больными и пожилыми людьми [2]. Представители Национального союза фермеров выражают свои опасения относительно влияния новых миграционных правил на сферу сельского хозяйства и пищевой промышленности, т.к. в этих сферах также необходимы неквалифицированные трудящиеся.

Также не осталась в стороне и Шотландская национальная партия, которая убеждена, что принятие новой миграционной реформы не учитывает дальнейшие последствия для экономической системы страны в целом и региона в частности, а также демографические проблемы в государстве [1]. В основном, позиция Шотландской национальной партии сводится к тому, что Шотландия изъявляет желание самостоятельно решать все вопросы в своем регионе: в том числе, и связанные с миграционной политикой.

Подводя итог всему вышесказанному можно утверждать, что правительство не старается полностью закрыть границы для иностранной рабочей силы. Напротив, оно предлагает трудоустраивать самых способных граждан с высокой квалификацией, делая акцент именно на навыки иммигрантов, а не на страну, из которой те прибывают. Тем не менее, новые миграционные правила пока имеют большое количество противников, поэтому правительству во главе с Борисом Джонсоном придется выдержать весь напор критики, и не исключено, что необходимо будет предусмотреть все риски, которые могут повлечь за собой новые миграционные правила в ближайшем будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Британия для британских // Газета Коммерсантъ. – 20 февраля 2020 г. – № 31 (6752) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4260811> (дата обращения: 11.03.2021 г.).
2. Британия меняет миграционные правила: больше специалистов, меньше гастарбайтеров // BBC news. Русская служба. – 19 февраля 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-51557920> (дата обращения: 11.03.2021 г.)
3. Карпов Г. А. Миграционный кризис в ЕС и перспективы британской миграционной политики // Международные отношения. – 2016. – № 1. – С. 66-73.

4. Расуева З. А. Социокультурные особенности миграционной политики Великобритании // Научно-исследовательский журнал Обозреватель – Observer. – 2017. – № 6 (329). – С. 91-99.
5. Рябчиков Р. А. Великобритания: иммиграционная политика // Сборник «Образование, наука, кооперация». Материалы международной студенческой научной конференции. В 2-х частях. – 2009. – С. 175-178.
6. Савельева О. А., Середкина Е. А. Смена парадигм в миграционной политике Великобритании // Сборник научных статей «Молодежь третьего тысячелетия». – 2017. – С. 888-891.
7. Уколова Е. А. Современная миграционная политика Великобритании // Наука и образование: проблемы и стратегии развития. – 2019. – № 1 (5). – С. 177-180.
8. Шубина Д. С. Основные направления миграционной политики Великобритании // Человек и современный мир. – 2019. – № 5 (30). – С. 77-84.

КУЗНЕЦОВ Я. П.
КОНЦЕПЦИЯ НЕМЕЦКОГО «ОСОБОГО ПУТИ»:
ГЕНЕЗИС И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье представлен анализ идеологемы «Deutscher Sonderweg» как феномена исторического и политического развития Германии. Автором рассмотрено влияние данной концепции на государственную идеологию и национальное самосознание немецкого общества.

Ключевые слова: Германия, особый путь, Deutscher Sonderweg, нация, национальная идентичность, национализм, идеология, консерватизм, либерализм.

KUZNETSOV YA. P.
THE CONCEPT OF GERMAN «SPECIAL PATH»:
GENESIS AND IDEOLOGICAL ASPECTS

Abstract. The article contains an analysis of the ideologeme "Deutscher Sonderweg" as a phenomenon of the historical and political development of Germany. The author observes the influence of this concept on the state ideology and national identity of the German society.

Keywords: Germany, special path, Deutscher Sonderweg, nation, national identity, nationalism, ideology, conservatism, liberalism.

На сегодняшний день вполне естественно рассматривать Германию как органичную часть западной цивилизации. ФРГ географически располагается в центре Европы и в то же время является политическим «сердцем» Европейского союза. Но ещё относительно недавно Германия не только не разделяла общеевропейские ценности, но и противопоставляла им собственную идею, собственный путь. Когда речь заходит об «особенном пути» и «мессианстве» Германии, имеется ввиду, как правило, режим А. Гитлера и идеология национал-социализма, однако сама идея об уникальной судьбе и превосходстве немецкого народа имеет куда более глубокие корни.

В нашей стране понятие «особого пути» ассоциируется с самой Россией, которая обладает уникальным историческим опытом и уникальной исторической судьбой. Данная тема весьма актуальна на сегодняшний день, как и два столетия назад, когда спор западников и славянофилов о судьбе России являлся фактически основой дискурса общественной мысли. При этом дискуссия западников и славянофилов испытывала определённое влияние философов из находящихся по соседству немецких княжеств [12, с. 28]. Не только в России, но и в раздробленной Германии стала весьма популярной тема «особого пути» – уникальной судьбы германской нации.

Идея особого предназначения Германии тесно связана с концепцией нацистроительства и историзма, которые довольно активно разрабатывались немецкими историками и политическими философами на протяжении XIX-XX вв. Многие классики немецкой политической и философской мысли, такие как А. Шопенгауэр [13], размышляли о судьбе своего народа в рамках образования единой Германии и обретения национальной идентичности. Исследованиям развития национализма в Германской империи и возведения его в ранг идеологии посвящены работы немецких историков и политологов, среди которых можно выделить К. Д. Брахера [2], О. Данна [3] и Т. Нипперди [4]. Связь между концепцией немецкого мессианства и проблемой смысла истории подробно представлена в трудах исследователей Г.-У. Веллера [5] и Ф. Мейнеке [11]. Кроме того, данная тема рассматривалась и российскими исследователями, такими как В. Г. Баев [6], И. А. Женин [9], С. А. Мальченков и Е. Н. Макшаева [10], Б. Л. Хавкин [12].

Начало процесса объединения Германии в первой половине XIX в. сопровождалось активной полемикой среди немецкой общественности по поводу того, какими должны быть формирующиеся нация и государство. Обсуждалась и то, какой должна быть германская идеология, выбор которой во многом обуславливался политической раздробленностью немецких княжеств. Отсутствие общенационального движения с единым центром стало одной из причин, по которой идеи либерализма не стали доминирующими в немецком обществе и были распространены разве что в среде университетской профессуры [8, с. 35]. Кроме того, немцы имели собственное представление о свободе и индивидуализме, что во многом противоречило французской триаде «свобода, равенство и братство» и английской либеральной традиции [9]. Выстраивание немецкой национальной идентичности базировалось не на индивидуальных, а на коллективных представлениях, что указывало на отличие немецкой политической культуры от общезападной. В то же время можно сказать, что в рамках формирования германской национальной идеи противопоставление немецкой идентичности западноевропейской было проявлением своеобразного комплекса неполноценности, обусловленным экономическим и политическим превосходством Великобритании и Франции над немецкими государствами.

Консерватизм стал куда более благодатной почвой для развития национальной идеи Германии. В значительной степени теория консерватизма начала XIX в. базировалась на критике либеральной идеологии, сформулированной в XVII-XVIII вв. К основным категориям большинства консервативных концепций того времени относятся разумно организованная монархия, исторический опыт, коллективный разум и традиция [8, с. 422]. Данные аспекты, которые отражали состояние немецкого общества в первой половине XIX в. и способствовали формированию немецкой идеологии, заслуживают отдельного рассмотрения.

Монархия воспринималась консерваторами XIX в. как краеугольный камень стабильного существования общества и залог поддержания порядка в государстве. Данная идея вполне сочеталась с прусским просвещённым абсолютизмом, в рамках которого все важные государственные преобразования осуществлялись «сверху», а не путём революций. Кроме того, считалось, что монархия сможет защитить германскую нацию от веяний чуждого немцам индивидуализма Западной Европы. Именно с императорским достоинством и централизованной властью связывал судьбу Германии А. Шопенгауэр, считая, что монархия – это единственный способ объединить немецкую нацию [13, с. 660].

Политическое же мышление в теории консерватизма приобретает историческое измерение, т.е. история становится не просто политикой прошлых лет, но и фактором, влияющим на современные политические преобразования. Подобное проявление исторического символизма можно наблюдать в провозглашении Германской империи на территории Франции в Версальском дворце 18 января 1871 г. Данное событие можно интерпретировать как триумф немцев над историческим соперником, который на протяжении веков мешал объединению Германии.

Что касается представлений консерваторов о разуме, то они вытекали из идей романтизма, иррационализма и историзма, что стало реакцией на идеи Просвещения [11, с. 191]. Политический романтизм во многом стал антитезой рационалистической философии Просвещения, описывая разум не индивидуалистический, но коллективный, что основывается на историческом опыте, традициях, обычаях и интуиции. Таким образом, иррационализм романтизма стал частью германского протеста против французского и английского опыта.

Наиболее же важным компонентом консервативной доктрины можно считать тезис о необходимости сохранения традиций, исторической памяти и культуры в целом. Для немецких консерваторов именно понятие культуры включало в себя представления о высоких исторических ценностях, а также представления об особой миссии немецкого народа. Как уже отмечалось, противопоставляя свою культуру западному миру, немецкие мыслители представляли её как нечто высокое, духовное, уникальное, что качественно отличается от всей западной цивилизации, базирующейся на утилитаризме и индивидуальном расчёте. Таким образом, концепт «культура против цивилизации» стал частью немецкой национальной идентичности и лёг в основу идеи мессианства Германии.

После объединения Германии в 1871 г. под воздействием сопутствующих данному процессу военных и экономических успехов комплекс неполноценности трансформируется в чувство исключительности германской нации. В то же время немецкие правящие круги и интеллектуалы продолжали смотреть со смесью восхищения и ревности на крайне успешную Британскую империю. На эмоциональном уровне в германском обществе соединились

воедино «страхи, чувство силы, потребность в самоутверждении и престиже» [4, с. 447-448]. Политическая и интеллектуальная элита Германии безоговорочно уверовала в немецкую культурную миссию, которая была фактически введена в ранг идеологии и стала едва ли не основным фактором, влияющим на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Сложившуюся в Германской империи политико-историческую концепцию принято называть «*Deutscher Sonderweg*» – «Германский особый путь». Данное понятие было разработано Билефельдской исторической школой, которая ставила своей целью изменить содержание и методы исторической науки [9]. Во главе этой группы социальных историков стоял профессор Г.-У. Веллер. В своих исследованиях учёный сосредоточился на изучении институциональной обоснованности идеи особого пути, которая заключалась в наличии социальных, политических и культурных институтов, основательно отличавших Германскую империю от других государств. По словам Веллера, в процессе активного поиска ценностей, альтернативных западным, в германском обществе слились воедино специфические для интеллигенции идеи национального предназначения, агрессивная официальная идеология молодого государства и готовность к миссионерству [5, с. 17-18].

Одним из основных тезисов концепции «*Sonderweg*» являлось положение об уникальности немецкого экономического развития. Утверждалось, что промышленная революция в Германии наступила позже, но прошла быстрее, чем в Великобритании и Франции. Но в отличие от этих стран немецкий экономический подъём был заслугой не мелкой и средней буржуазии, а крупных компаний, приближённых к государству. Данный тезис в определённой степени подтверждается тем фактом, что в последней четверти XIX в. такие влиятельные промышленники как А. Крупп и К. Штумм-Гальберг были приверженцами наиболее лояльной правительству О. Бисмарка Имперской партии [7, с. 32]. Однако идеологи концепции особого пути явно занижали значение средней буржуазии, численность которой стала стремительно увеличиваться именно в связи с развитием капиталистического предпринимательства после объединения Германии. Немецкая буржуазия стала соперничать за политическое влияние с классом юнкеров (государственных служащих). И хотя после перестройки управленческого аппарата в 1878-1879 гг. большинство мест по-прежнему оставалось за юнкерством, у него наблюдалась нехватка представителей для военного и гражданского управления, что способствовало росту влияния буржуазии [6, с. 215].

Что касается промышленной революции в целом, то германские капиталы во многом опирались именно на британский опыт. Кроме того, отличным подспорьем для промышленного роста послужила индустриальная инфраструктура Эльзас-Лотарингии, которая стала частью Германии по итогам Франко-прусской войны 1870-1871 гг. Иными словами, немецкая промышленная революция, имея свои особенности и специфику, не могла

не брать пример с западноевропейских государств, уже переживших промышленный подъём. Таким образом, Германия в экономическом плане не встала на некий новый путь, а начала ускоренное движение по уже протоптанной дороге капиталистического развития.

Второй основополагающий тезис «Sonderweg», опираясь на положения об исторической уникальности Германии и её экономики, касался уже непосредственно общества, культуры и будущего немецкого народа. Утверждалось, что если Германия стала великой державой без оглядки на Францию и Великобританию и их ценности, то и в принципе не стоит брать пример с западноевропейских стран. В сознании немцев их страна стала могущественной империей, чьи писатели и философы известны на весь мир, её темпы промышленного производства почти самые высокие в мире (после Великобритании), и, конечно же, её армия лучшая в мире, о чём свидетельствует множество одержанных побед. Всё это вело к очевидному выводу, что немецкой нации ни к чему западные идеалы и нормы, ни к чему ценности английских торгашей и уже устаревшей Французской революции. Германии предначертан другой исторический путь – путь с империей и императором.

Немецкий национализм, со временем переросший в империализм, стал основополагающим фактором политической деятельности Второго рейха. Агрессивная националистическая риторика Германской империи в том числе и во внешней политике привела к её политической изоляции и росту антигерманских настроений в Европе в начале XX в., которым немецкое государство противопоставляло упрямую волю к национальному самоутверждению [3, с. 218]. В самой же Германии происходила полномасштабная политизация общества, сопровождавшаяся увеличением влияния прессы. Единство простого народа, готового защищать «честь» и «независимость» отечества, и стремившейся к гегемонии политической элиты Германии любыми способами превратить свою страну из европейской державы в мировую в конечном итоге привело к тому, что Германская империя сыграла одну из главных ролей в развязывании Первой мировой войны.

Конфликт 1914-1918 гг. по сравнению с предыдущими войнами отличался невиданной раннее степенью «национализации» и стал настоящим воплощением антагонизма между немецким и западноевропейским обществами. Противопоставлялись не только армии и государства, но и целые народы, конституционные системы и мировоззрения. «Немецкая культура против западной цивилизации, немецкий идеализм против западного рационализма, немецкое народное сообщество против западного партийного государства» [3, с. 227]. Германия были готова с оружием в руках продемонстрировать своё превосходство над странами Запада и таким образом доказать верность идеи немецкого мессианства.

В среде немецких интеллектуалов Первая мировая война получила особое теоретическое обоснование. Начавшийся конфликт рассматривался как приближение триумфа

немецкого особого пути, в результате которого будет разрушена чуждая немцам западная либерально-эгоистическая цивилизация в лице империй Великобритании и Франции, а также падёт «восточное самодержавие» в лице России. И предполагалось, что в итоге будет сформировано новое общество, лишённое социальной напряжённости, партийной борьбы и классовых противоречий, основанное на немецких национальных ценностях, таких как порядок, долг, справедливость.

Однако Первая мировая война, вопреки чаяниям интеллектуалов и политической элиты рейха, закончилась поражением Германии и насаждением той самой чуждой западной модели государственного устройства в виде Веймарской республики. Но даже после поражения в войне Германия продолжала использовать националистическую аргументацию в своей политике [2, с. 392]. В немецком обществе всё ещё прослеживался антагонизм по отношению к Франции и Великобритании и навязанным ими парламентско-демократическим ценностям. Поэтому нельзя сказать, что идея особого пути для Германии была временно забыта после провозглашения Веймарской республики и была реанимирована и обновлена только после прихода к власти А. Гитлера. Идеология национал-социализма стала логичным продолжением идеи немецкого особого пути, культивируя культурное и расовое превосходство немецкой нации. Торжество данной идеи следует связывать не только с экономическими положением Веймарской республики и реваншистскими настроениями, но и с народным чувством мессианства, превосходства немецкой нации, которое активно развивалось в Германии на протяжении десятилетий. Преемственность идеологии немецкой исключительности, что начала выкристаллизовываться ещё до объединения Германии, прослеживается на протяжении всей первой половины XX в., вплоть до падения нацистской диктатуры в 1945 г. Лишь с разгромом во Второй мировой войне для Германии наступил момент, обозначаемый немецкими историками как «час ноль» [7, с. 330]. Именно этот момент становится той отправной точкой, после которой немецкое общество отбрасывает идеи мессианства и исключительности и начинает свой так называемый долгий путь на Запад, что в конечном итоге приводит к становлению Германии, какой мы знаем её сегодня.

В современной Германии концепция немецкого особого пути по-прежнему плотно ассоциируется с периодом нацистской диктатуры, а потому крайне негативно воспринимается в немецкой политической среде. В то же время данную тему в определённой степени пытается актуализировать и вновь ввести в политический дискурс правая политическая партия «Альтернатива для Германии». Так, сопредседатель партии А. Гауланд заявляет о необходимости окончательно разобраться с периодом национал-социализма, что уже не является частью немецкой идентичности, а также о праве немцев гордиться собственной историей, в том числе и подвигами своих солдат на полях двух мировых войн [1]. Режим

Гитлера, длившийся 12 лет, не может перечеркнуть все достижения немецкой нации, её историю, культуру и традиции. Сама концепция «Deutscher Sonderweg» также является частью истории Германии и, как следствие, частью её национальной идентичности, без которой было бы невозможно существование и развитие этого народа. Однако на сегодняшний день можно сказать, что немцам ещё предстоит преодолеть свою историческую травму и определить дальнейший вектор развития Германии, её так или иначе особый путь.

Любому народу необходима некая объединяющая идея, которая становится каркасом полноценной нации со своей культурой, мировоззрением и ценностями. Эта стержневая идея проходит длительный процесс формирования, отличающийся своей спецификой в зависимости от конкретной нации. Немецкая национальная идея возникла под влиянием реакции на Эпоху Просвещения и Великую французскую революцию и изначально воплощала комплекс неполноценности всего раздробленного немецкого общества. В XIX в. в условиях полемики идеологов либерализма и консерватизма возникла концепция противопоставления немецкой традиций, истории и образа жизни утилитаристским либеральным ценностям, получившим широкое распространение в Великобритании и Франции. После объединения Германии и подъёма патриотизма в обществе идея противопоставления Западу стала ядром немецкого «особого пути». С ростом амбиций Германии патриотизм трансформировался в убеждённую превосходства немецкой нации над всеми прочими народами. Эта идея не угасла и после поражения Германии в Первой мировой войне и в последствии обрела наиболее разрушительную форму в идеологии национал-социализма, возводившего идею доминирования немцев над всеми прочими нациями в абсолютную степень. «Особый путь» привёл к тому, что немцы лишились своего государства и на несколько десятилетий вновь стали раздробленным народом. После поражения во Второй мировой войне у Германии было два пути для дальнейшего государственного развития, каждый из которых при этом уводил немецкий народ как можно дальше от притязаний на особое место в истории человечества.

Согласно концепции «Sonderweg», у Германии своя культура, свои ценности, свой особый путь, отличающий её от остальных государств. В таком случае должен быть и путь «обыкновенный», по которому идут все остальные нации. Но, очевидно, что каждое государство, каждая нация формировались и развивались под воздействием собственных уникальных факторов. При этом принципы, лежащие в основе этих факторов, были, по большей мере, схожи. Однако это не отменяет уникальных исторических, политических, культурных и прочих характеристик, которые и делают каждый путь особенным, отличающимся от остальных. Естественным, национальная идея, зачастую основываясь именно на уникальных культурных и исторических элементах, играет важную объединяющую роль в жизни любого народа и способствует развитию здорового чувства патриотизма. Но в то же время печальный

опыт Германии в XX веке показал, что излишняя глорификация национальной идеи вкупе с антагонизмом и нездоровым духом расизма может привести к крайне плачевным последствиям в первую очередь для самой нации, избравшей «особый путь».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. AfD co-founder says Germans should be proud of its Second World War soldiers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2017/sep/14/afd-co-founder-alexander-gauland-says-germany-needs-to-reclaim-its-history> (дата обращения 14.04.2021).
2. Bracher K. D. Zusammenbruch des Versailler Systems und zweiter Weltkrieg // Propyläen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte. – № 9. – 1960. – S. 389–458.
3. Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland: 1770-1990. – München: C. H. Beck, 1996. – 438 s.
4. Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866-1918: 2 Bde. – München: C. H. Beck, 1998. – 948 s.
5. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte: 4 Bde. – München: C. H. Beck, 2003. – 1173 s.
6. Баев В. Г. Политический режим в Германской империи в последней трети XIX века: авторитаризм против либерализма // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 4 (273). – С. 208–218.
7. История Германии: учебное пособие: в 3 тт. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века. – М.: КДУ, 2008. – 2008. – 672 с.
8. Европейская политическая мысль XIX века / отв. ред. И. К. Пантин, И. И. Мюрберг. – М.: Наука, 2008. – 486 с.
9. Илья Женин: «В Германии нет сильной либеральной традиции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/talks/154798> (дата обращения 14.04.2021).
10. Мальченков С. А., Макшаева Е. Н. Категория «особый путь» в социально-философском дискурсе Германии и России // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 5. – С. 386-393.
11. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. – М.: РОССПЭН, 2004. – 478 с.
12. Хавкин Б. Л. «Особые пути» России и Германии в XX веке: «преодоление прошлого» в культуре памяти // The New Past. – 2019. – № 3. – С. 26–43.
13. Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений. Т. 2: Мир как воля и представление. – М.: Изд. Д. П. Ефимова: тип. Вильде, 1910. – 673 с.

ЛАРИХИН А. В.

ВОСТОЧНАЯ И ЗАПАДНАЯ МОДЕЛИ КОРРУПЦИИ

Аннотация. В статье проведен анализ восточной и западной моделей коррупции, в рамках которого были выявлены и сопоставлены их сущностные характеристики и отличительные особенности. В работе изучены исторические корни коррупции, определены основные причины возникновения правонарушений подобного рода.

Ключевые слова: коррупция, индекс восприятия коррупции, восточная модель коррупции, западная модель коррупции, антикоррупционные меры.

LARIKHIN A. V.

EASTERN AND WESTERN MODELS OF CORRUPTION

Abstract. The article analyzes the eastern and western models of corruption, within the framework of which their essential characteristics and distinctive features were identified and compared. The work examines the historical roots of corruption, identifies the main reasons for the occurrence of offenses of this kind.

Keywords: corruption, corruption perception index, eastern models of corruption, western models of corruption, anti-corruption measures.

Коррупция в любой современной стране является масштабной проблемой, препятствующей ее эффективному развитию и создающей социальную и институциональную угрозу. Мы можем сделать вывод, что опыт, накопленный за тысячи лет борьбы с коррупцией достаточно богат и позволяет справиться с любыми ее проявлениями. Однако это не совсем так.

Одним из древнейших текстов о коррупции является древнеиндийский трактат «Артхашастра», написанный брахманом Каутилей. В этом трактате было особенно подчеркнуто обеление чиновника, злоупотребляющего своими должностными полномочиями: «Подобно тому, как нельзя не воспринять мед или яд, если они находятся на языке, так и имущество царя не может быть, хотя бы и в малости, присвоено ведающим имуществом» [3, с. 156].

Важным источником информации о коррупции в исторической ретроспективе являются труды Н. Макиавелли, написавшего в работе «Государь»: «Если государь заметит, что министр заботится о личном благе, нежели о благе своего повелителя, если во всех его действиях проглядывается стремление к своекорыстной пользе, то подобный министр никуда не годится, и государю вверятся ему – безрассудно» [9, с. 241]

Вклад в разработку этой темы в современной отечественной науке внесли такие авторы как Астафьев О. А. [4], Богунов С. С. [5], Голик Ю. В. [6], Долгова А. И. [8], Калегин Д. А. [7], Нисневич Ю. А. [10] и другие.

В данной статье мы выделяем два типа восприятия коррупции: восточная и западная модели, опираясь на сложившиеся в различных цивилизационных сообществах механизмы отношения к коррупционному поведению.

Восточная модель (которая наблюдается в подавляющем большинстве азиатских стран) характеризуется отношением к коррупции как привычному явлению, обусловленному культурными традициями и экономической необходимостью. В рамках этой модели коррупция не является чем-то незаконным: более того, ее часто рассматривают как совершенно легальный атрибут функционирования государства.

Западная модель характеризуется относительно низким уровнем коррупции с почти полным отсутствием коррупции на низовом уровне. Невысокий уровень поддерживается, в основном, за счет принятия институциональных, организационных и правовых мер, а также эффективной работы институтов традиции, культуры и гражданского общества.

Для полноты оценки озвучиваемой темы следует обратиться к практике восприятия коррупции в публичной сфере. Как правило, уличенный в коррупционных связях чиновник на Западе утрачивает доверие и лояльность групп интересов и более не имеет права выдвигать свою кандидатуру на выборах.

События в азиатских странах показывают другое отношение. Случай Южной Кореи представляет большой интерес для исследователей коррупции из-за исторически тесных связей между высокопоставленными должностными лицами страны с семейными конгломератами (традиционно называемыми в этой стране термином «чеболь»), контролирующими наиболее крупные сектора экономики [11]. Любопытно, однако, еще и то, что несмотря на тесную связь с чеболями и по факту постоянную экономическую зависимость от них, некоторые первые лица Южной Кореи, будучи уличенными в коррупционных сделках, получали тюремные сроки не только после срока полномочий, но и во время пребывания на посту.

Приведем наиболее известные примеры последних лет.

1) Ли Мён Бак (президент Республики Корея в 2008-2013 гг.): был вызван в генеральную прокуратуру в качестве подозреваемого в коррупционных сделках. Ему были предъявлены обвинения за растрату, взяточничество и злоупотребление властью. 5 октября 2018 года суд приговорил бывшего президента страны к тюремному сроку в 15 лет.

2) Пак Кын Хе (президент Республики Корея в 2013-2017 гг.): президентские полномочия были прекращены в связи с импичментом. 10 марта 2017 года Конституционный

суд Южной Кореи утвердил импичмент, а уже 30 марта Пак Кын Хе была арестована по обвинению во взяточничестве, злоупотреблению властью и передаче секретной информации людям, не являющимися госслужащими. Приговорена к 24 годам тюрьмы.

Исследователи отмечают, что южнокорейская практика привлечения родственников и друзей на крупные посты в бизнесе уже несколько десятилетий является нормой. В таких компаниях как Korean Airlines, SK, LG, Samsung, Daewoo практически все должности занимают родственники, друзья или одноклассники одной семьи. Номинации на должности также являются официальными. Такое поведение определяет главный культурный приоритет корейского общества – помощь семье и близким. Недавние коррупционные скандалы, связанные с деятельностью президентов, широко освещались в средствах массовой информации, в которых говорится о стратегии государства по искоренению коррупционной практики, в том числе распространении информации о недопустимости коррупции и формировании нулевой терпимости к коррупции.

Далее обратимся к индийскому опыту. В 2015 году премьер-министр Нарендра Моди вновь получил возможность воплотить свое главное предвыборное обещание. Впрочем, сегодня обещание Моди все еще остается обещанием: коррупция все еще процветает в Индии. Об этом свидетельствует череда громких скандалов, которые потрясли его администрацию. Среди них, например, печально известный контракт на оружие стоимостью 7,8 миллиарда евро на покупку 36 истребителей Rafale у Франции. Мошенничество в размере 2 миллиардов долларов США было обнаружено в феврале 2018 года в государственном индийском Национальном банке Пенджаба.

В 2019 году неправительственная организация по борьбе с коррупцией Transparency International India сообщила в отчете, что за последний год индийцы давали взятки меньше, чем за предыдущие 12 месяцев. Доля респондентов, которые признались в получении взятки, составила 51% по сравнению с 56% в предыдущем опросе. Тем не менее, показатель за 2019 год был выше, чем за 2017 год, когда он составлял 45% [2].

Благодаря индийской «тихой революции» партии, представляющие низшие касты, теперь регулярно побеждают на выборах и принимают государственную власть. Это достижение иногда заслоняет скудный прогресс Индии в не менее важной мере углубления демократии – установлении менее коррумпированных форм управления. Первая волна антикоррупционной активности разработала инновационные методы для привлечения бедных людей в качестве граждан-аудиторов государственных программ, размывая подотчетность граждан и контроль со стороны государства. Вторая волна активизма основывалась на первой, преодолевая разрывы, которые мешали индийскому

антикоррупционному движению, развитие которого может служить ярким показателем способности Индии продолжать демократизацию.

Конечно, коррупция остается проблемой и для Запада. Однако протекает она в совершенно других условиях. Волна так называемых «грязных денег» разбивается о бастионы закона и контроля. В том, чтобы подкупить несколько политиков в Европе, мало смысла: ведь подкупить политика – это одно, а подкупить, к примеру, судью – дело уже маловероятное.

Например, если говорить о западной модели коррупции, то успехи стран Латинской Америки в борьбе с коррупцией сильно дифференцированы. Чилийцы и уругвайцы в этом отношении выглядят вполне европейцами, в отличие от таких сильно коррумпированных государств как Никарагуа, Гондурас или Венесуэла. О серьезности борьбы с коррупцией свидетельствуют ряд судебных исков, заканчивающихся обвинениями в адрес бывших глав государств Латинской Америки: бывших президентов Никарагуа (Арнольдо Алемана), Гватемалы (Альфонсо Портильо), Гаити (Жан-Бертран Аристид), Парагвая (Луис Гонсалес Макки) и др.

Индекс восприятия коррупции, составленный Transparency International за 2016 год, оценивает Канаду как девятую наименее коррумпированную страну из 176 стран и наименее коррумпированную нацию в Северной и Южной Америке [1]. Однако в последние годы тема коррупции становится все более серьезной проблемой в правительственных и промышленных организациях. Например, в 2013 году Всемирный банк внес «SNC-Lavalin» и его дочерние компании в черный список на торгах по глобальным проектам из-за скандала в Падма-Бридж.

Канада подписала и согласилась осуществить Конвенцию ОЭСР о борьбе со взяточничеством и Конвенцию ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц в международных деловых операциях. Закон о коррупции иностранных публичных должностных лиц (CFPOA) был принят в 1999 году. CFPOA применяется к лицам и компаниям с целью предотвращения и наказания за подкуп иностранных публичных должностных лиц с целью получения или сохранения деловых преимуществ. Компании должны разрабатывать эффективные программы соответствия с акцентом на конкретные области, имеющие отношение к CFPOA. Отчет о проделанной работе за 2013 год указывает на то, что Канада не выполнила многие из рекомендаций и получила общий балл «Умеренный». ОЭСР раскритиковала Канаду за отсутствие судебного преследования и нехватку ресурсов для борьбы с коррупцией.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы пояснить, что коррупция не является проблемой отдельных государств. Проблема коррупции состоит в том, что

большинство людей хотят, чтобы организации, к которым они принадлежат, работали эффективно и были привержены постоянному совершенствованию. Но в области политики в конструктивном дискурсе происходит многолетний спад, который не позволил народу представить более глубокое понимание институциональной структуры, развитие и возможности для улучшения. Людям важно увидеть доказательство того, что улучшение возможно, и доказательство того, что цинизм неэффективен. Хотя и западная модель коррупции не всегда совершенна, стоит рассматривать ее как более боеспособную единицу.

Борьба с коррупцией – это монументальная задача любого общества, и без помощи тех, кто у власти, эту борьбу не выиграть. Иными словами, зачастую те, кто выигрывает от нынешней системы, не хотят менять ее правила. Изменения возможны, но они должны стать возможными благодаря глубокому пониманию проблемы и организации многосторонних дискуссий, которые распространяют свежие идеи по борьбе с коррупцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Corruption perceptions index 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Режим доступа: <https://www.transparency.org/en/news/corruption-perceptions-index-2016> (дата обращения 25.03.2021).
2. India Corruption Survey 2019: Bribery in India reduced by 10% over the last 1 year; 5 % citizens admit to paying a bribe in the last 12 months [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://transparencyindia.org/wp-content/uploads/2019/11/India-Corruption-Survey-2019.-Press-Release.pdf> (дата обращения 25.03.2021).
3. Артхашастра Каутильи. Книги 1-2. – М.: Институт востоковедения РАН, Восточная литература, 2009. – 392 с.
4. Астафьев В. А. Коррупция как особая форма экономических отношений в обществе: дис. ... канд. экон. наук. – Тамбов, 2010. – 220 с.
5. Богунов С. С. Коррупция в современной России: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2012. – 210 с.
6. Голик Ю. В. Коррупция и организованная преступность как угроза безопасности человечества // Уголовная политика и право в эпоху перемен: материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П. С. Дагеля. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – С. 310-333.
7. Калегин Д. А. Западная и восточная модели борьбы с коррупцией // Юридические клиники в системе оказания бесплатной юридической помощи Российской Федерации: история, реальность, стратегия развития, взаимодействие с социально ориентированными некоммерческими организациями. Материалы Всероссийской

конференции с международным участием / Под ред. Н. В. Соколовой. – 2020. – С. 40-44.

8. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы [под ред. Долговой А. И.]. – М.: Российская криминологическая ассоц., 2015. – 360 с.

9. Макиавелли Н. Государь. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 304 с.

10. Нисневич Ю. А. Политическая коррупция: определение, формы проявления, механизм и ресурсы // Технологизация политических процессов в условиях глобализации: теория, опыт, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, Москва 19 октября 2012 г. / Под общ. ред.: В. И. Камышева, О. Е. Гришина. – М.: Федерация мира и согласия, 2012. – С. 193-201.

11. Чеболь — двигатель корейской экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mojseul.ru/kompanii/chebol-v-koree.html> (дата обращения 25.03.2021).

НИКАШКИН А. А., ФЕДОРОВ В. Г.
ВЕКТОР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ:
ДЕМАРКАЦИОННЫЙ ВОПРОС

Аннотация. В исследовании рассматриваются современные дипломатические отношения между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Основной акцент делается на демаркационном аспекте. В этой связи выделяется ряд территориальных противоречий, начало которым было положено во второй половине XIX столетия, по результатам договоров, заключенных Российской Империей и Китаем.

Ключевые слова: демаркация, территориальные споры, приграничные кризисы, российско-китайские отношения.

NIKASHKIN A. A., FEDOROV V. G.
VECTOR OF RELATIONS OF RUSSIA AND CHINA:
DEMARCATIION PROBLEM

Abstract. The article deals with modern diplomatic relations between the People's Republic of China and the Russian Federation. Particularly, the study focuses on the demarcation aspect. A number of territorial contradictions are singled, the beginning of which can be traced in the second half of the XIXth century as a result of treaties concluded by the Russian Empire and China.

Keywords: demarcation, territorial disputes, border crises, Russian-Chinese relations.

В рамках современной многополярной системы как Китайская Народная Республика, так и Российская Федерация являются одними из ключевых игроков на международной арене. После развала Советского Союза Российская Федерация оказалась в ослабленном, дезориентированном состоянии, со множеством внутреннеполитических проблем, выраженных в политическом, экономическом и нормативно-ценностном кризисе (коллизии социалистических и либеральных парадигм). Однако высшему руководству Российской Федерации удалось добиться статуса континуитета СССР, что позволило сохранить государству место постоянного члена в Совете Безопасности ООН. Кроме того, из всех бывших советских республик только у Российской Федерации остался ядерный арсенал.

Внешнеполитический курс новой России базировался на стремительном проникновении атлантистских идеалов и убеждений. основополагающим компонентом динамики внешней политики РФ в начале 1990-х гг. стала «Доктрина Козырева», получившая свое название по фамилии первого министра иностранных дел РФ. Данная доктрина предполагала, что установившаяся однополярность, закрепляющая доминирование США в мире, следует признать, как данность [4, с. 128]. Изложенный тезис предполагал выстраивание

дружественных и теплых отношений между державами, однако вектор развития по «Доктрине Козырева» был обречен на провал. Образовавшийся вакуум заполнила более жесткая по отношению к США «Доктрина Примакова». Е. М. Примаков был против однополярного мира и американского гегемонизма. Он первым в России заговорил о необходимости построения многополярного мира. Кроме того, министр иностранных дел упоминал, что требуется создать стратегический треугольник Россия – Китай – Индия. Китай представлял для России ключевого стратегического партнера на Дальнем Востоке. Однако препятствием для гладкой консолидации взаимоотношений между двумя державами выступал давний пространственно-территориальный спор, который обострился еще во второй половине XIX в. и достиг своего апогея в 60-е гг. XX в.

Рассмотрением истоков возникновения межграничных споров России и Китая занимались такие исследователи, как В. Г. Киреев [5] и Лу Сяоин [11]. Непосредственный анализ демаркационного вопроса между РФ и КНР отражен в трудах В. А. Аленова [1], В. Г. Киреева [5], А. П. Костюченко [6], И. Е. Пожилова [7], Л. В. Поповой [8]. Изучением внешнеполитических концепций и доктрин России занимались В. В. Иванова и А. В. Черников [4].

Целью научной публикации послужит аналитический обзор российско-китайской демаркационной проблемы.

Китайская Народная Республика, образованная коммунистами с Мао Цзэдуном во главе в 1949 году, поначалу показывала умеренные показатели в индустриальном плане: постепенно улучшались показатели благосостояния населения, государство восстанавливалось после военных действий. Но последующие неудачные экономические реформы, в частности, «Большой скачок», привели к катастрофическим последствиям. Массовый голод, в результате которого умерли десятки миллионов китайцев, стал следствием провальной сельскохозяйственной политики, неправильной расстановки приоритетов в развитии и обеспечении нормального функционирования государства. Плохая урожайность в 1959 и 1960 гг. усугубила и без того плачевную ситуацию. В январе 1961 года на IX пленуме ЦК КПК было принято решение о приостановке политики Большого скачка. В результате, Китай вынужден был закупить зерно у зарубежных государств (Австралии и Канады), чтобы предотвратить голод и попытаться исправить сложившуюся ситуацию.

В 1978 году руководство КНР принимает программу экономических реформ «Реформы и открытость», которая была нацелена на создание социализма с китайской спецификой: был взят курс на создание социалистической рыночной экономики и на открытость внешнему миру. Программа построения «социализма с китайской спецификой» (чжунго тэсэдэ шэхуэйчжуи), как известно, наряду с хозяйственными реформами (гайгэ) включала в себя в

качестве неотъемлемого элемента политику открытости внешнему миру (кайфан) [7, с. 361]. Благодаря данным реформам китайская экономика стремительно увеличивала темпы своего развития. В декабре 2001 года Китай вступил во Всемирную торговую организацию, что стало значимым событием и позволило Китаю, в скором будущем, стать одной из главных экономик мира. В рамках переговоров с ВТО в Китае под эгидой Госсовета была проведена кропотливая подготовка к вступлению в эту организацию, были детально просчитаны сравнительные преимущества и недостатки всех отраслей промышленности и сферы услуг, выработаны базовые рекомендации по их дальнейшему развитию, предприняты практические шаги по повышению конкурентоспособности предприятий государственного сектора, национальной банковской системы, а также укреплению позиций частных компаний [8, с. 111]. На 2021 год КНР по уровню ВВП занимает второе место в мире. А учитывая тот факт, что Китаю удалось быстро стабилизировать кризисную ситуацию, вызванную пандемией COVID-19, в то время как экономики других развитых стран, в особенности США, сильно пострадали, можно предположить, что в дальнейшем Китайская Народная Республика сможет еще сильнее укрепиться на международной экономической арене, возможно, сместив Соединенные Штаты Америки с лидирующей позиции.

Учитывая все вышеизложенные параметры, можно сделать определенные выводы. Китай в настоящее время находится на вершине своего величия и влияния на мировое развитие, а многие факторы позволяют делать смелые предположения, относительно того, что КНР в будущем еще более укрепитя на международной арене, став, возможно, первой экономикой мира. Россия же в этом рейтинге сильно уступает Китаю, занимая 11-е место.

Российская Федерация имеет с Китаем огромную общую границу протяженностью 4209,3 км, поэтому проблематика выстраивания грамотной дипломатической политики крайне важна. Именно аспект демаркационных разногласий между двумя этими государствами на протяжении длительного времени оставался неразрешенным, являясь своеобразным камнем преткновения. Договоры, заключенные между Россией и Китаем еще во второй половине XIX века (Айгунский, Тяньцзиньский, Пекинский), считаются нашим восточным соседом неравноправными, навязанными Российской Империей ввиду безвыходного положения Китая в результате военной катастрофы Второй Опиумной войны. В связи с этим территориальные приобретения России в дальнейшем были подвергнуты пересмотру китайской стороной.

С падением Российской Империи и образованием СССР советское руководство предприняло попытку установления дружественных отношений между двумя государствами. Была выдвинута возможность пересмотра неравноправных договоров, заключенных ранее Российской Империей и Империей Цин. Но державы Антанты повлияли на китайское

правительство с целью его отказа от дипломатического сотрудничества с новообразованным СССР. В результате, территориальный вопрос остался открытым.

Наиболее ярким примером резкой смены вектора международных отношений с Китаем и обострения приграничных споров и территориальных притязаний является нагнетание конфронтации между СССР и КНР в 1960-х гг. и непосредственно, открытое военное столкновение на острове Даманский на реке Уссури в марте 1969 года, явившееся наивысшей точкой усиления противоречий между двумя этими государствами [11, с. 33]. Примечательно, что с 1949 года СССР и КНР являлись ближайшими союзниками. С первых же дней существования Китайской Народной Республики Советский Союз оказывал ей самую разнообразную братскую помощь в восстановлении разрушенной в ходе длительной войны с Японией и последовавших затем гражданской войны и американской интервенции экономики страны [1, с. 52].

Начиная с 1956 года отношения между КНР и СССР пошли на спад. Поводом к этому послужил XX съезд ЦК КПСС, на котором Н. С. Хрущёв выступил с докладом о критике культа личности И. В. Сталина. Первый Председатель ЦК КПК Мао Цзэдун воспринял позицию нового руководства Советского Союза крайне негативно. Это было связано, во многом, с тем, что после смерти Сталина Мао Цзэдун считал себя лидером мирового социалистического лагеря, с чем Хрущёв не был согласен. Обострение усилилось в ноябре 1957 года, когда Мао Цзэдун подверг резкой критике руководство КПСС за его политику мирного сосуществования с капиталистическими странами. Дальнейшее нагнетание и усиление конфронтации между двумя державами привело к военному столкновению на острове Даманский. Территориальные претензии Китая касались ряда островов: острова Тарабаров и острова Большой Уссурийский – на слиянии рек Амура и Уссури, острова Большой – в верховьях реки Аргунь, острова Даманский – на реке Уссури [11, с. 35].

Даманский был передан КНР в 1991 году по соглашению между СССР и КНР «О советско-китайской границе на ее восточной части». 13 Февраля 1992 года соглашение было ратифицировано постановлением Верховного Совета РФ [10]. Данное соглашение явилось результатом довольно длительных попыток урегулирования территориальных споров на границе. Однако ряд других островов по-прежнему продолжали оставаться оспариваемыми китайской стороной. 14 октября 2004 года между Российской Федерацией и КНР было подписано Дополнительное соглашение «О российско-китайской границе на ее восточной части», согласно которому остров Тарабаров, часть острова Большой Уссурийский, часть острова Большой были переданы Китаю. 20 мая 2005 года соглашение было ратифицировано российской стороной, а к 2008 году территории окончательно перешли под контроль КНР [3].

Фактически, вектор взаимоотношений между КНР и СССР начал смещаться в положительную сторону с 1980-х годов. Соглашение 1991 года урегулировало ряд территориальных претензий, закрепив дипломатические отношения двух стран на довольно высоком уровне доверия. Дальнейшие договоры КНР и уже Российской Федерации, а именно Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 2001 года, Дополнительное соглашение «О российско-китайской границе на ее восточной части», подписанное в 2004 году (ратифицировано РФ в 2005 г.) расширили спектр для возможностей дальнейшего сотрудничества и задали положительный тон для развития международных отношений РФ и КНР. В настоящее время, взаимоотношения между Российской Федерацией и Китаем имеют достаточно устойчивый, стабильный характер. КНР является важным стратегическим партнером России. Так, например, министр иностранных дел России С. В. Лавров, следующим образом характеризует состояние современных российско-китайских дипломатических отношений: «хрестоматийный пример того, как два крупных государства, относящиеся к разным общественно-политическим и культурно-цивилизационным моделям, смогли найти взаимоприемлемые решения доставшихся в наследство от истории сложнейших и деликатных проблем, в первую очередь, пограничной, и выработать модель мирного и добрососедского сосуществования» [9].

Но существует вероятность, что в будущем ситуация вновь может измениться. Примеры из истории российско-китайских взаимоотношений это неоднократно подтверждают. Территориальные уступки, на которые пошла Россия в 2005 году, конечно, задали определенный вектор для дальнейших позитивных дипломатических отношений с Китаем, но, в то же время, уступка такой довольно крупной территории (350 кв. км) вызвала неоднозначную реакцию в российском обществе. Возникли опасения, что Китай в будущем может выдвинуть новые территориальные притязания.

Между тем, идея передачи островов КНР вызвала неоднозначную реакцию и у представителей российской стороны, и у китайских граждан. В частности, депутаты Хабаровской думы настаивали на чрезвычайной важности находящегося на Большом Уссурийском острове укрепрайона, призванного сдерживать натиск в случае агрессии со стороны Китая. Кроме того, над островом Тарабаров пролегает траектория взлета боевых самолетов ВВС и ПВО. С резкими заявлениями выступили представители общественных и политических объединений. Жители Китая тем временем воспринимают эту акцию как начальный этап территориального спора [2].

Разноплановые взгляды на сложившееся пространственно-географическое размежевание можно обнаружить в целом ряде специализированных исследований. Так, по версии Б. И. Ткаченко, разрешение демаркационного вопроса способствовало утрате Россией

1240 кв. км национальной территории; исходя из анализа В. М. Розова, на неправомерной основе Китаю было передано 1300 гектаров российской земли [6, с. 64]. Прямо диаметрально противоположную позицию защищал в своих работах Г. В. Киреев. Этот исследователь отстаивает официально заданную планку МИД РФ: все протекавшие процессы переговоров между российской и китайской сторонами, и как следствие принятый консенсус по демаркационному вопросу, являются неотъемлемым элементом сопровождения национальных интересов государств, разрешения территориальных споров и напряженности, от чего результат переговоров стоит воспринимать как удачный и правильный. Отсюда следует, что в научном пространстве также существуют наглядные противоречия в обсуждении вопроса российско-китайских границ [5, с. 16].

В заключение стоит отметить, что с момента урегулирования территориальных противоречий прошло уже более 15 лет. Китайская сторона, получив во владение ряд островов, заинтересована в их развитии путем благоустройства окружающей среды, выстраивания туристической инфраструктуры и др. Так, на примере острова Большой Уссурийский, поделенного в 2005 году между КНР и РФ, можно отчетливо определить возможности и, непосредственно, реализацию планов по развитию частей острова двумя государствами. На территории, принадлежащей России, располагается небольшой поселок Уссурийский. Многие попытки привлечения инвестиций для развития туризма на острове оказываются тщетными. В это же время Китай на своей части острова ведет активное развитие туристической отрасли. В 2016 году китайскую часть острова посетило порядка 600 тысяч граждан страны, а инвестиции, которые вкладываются китайской стороной в развитие данных территорий, безусловно, превышают российские, что в перспективе, лишь увеличит разрыв в уровне развития приграничных территорий двух государств в данном регионе.

В целом, проблему российско-китайской границы нельзя назвать урегулированной по причине наличия объема противоречий во внешнеполитическом курсе РФ, где с одной стороны допускается пренебрежение национальным интересам государства, а с другой сохранение дипломатических отношений и партнерства с КНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аленов В. А. Крадущийся тигр, затаившийся медведь: мифология российско-китайского пограничного урегулирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 3. – С. 49–54.
2. Амурские острова официально переданы Китаю // Коммерсантъ. – 2008. – 14 окт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1040911> (дата обращения 14.04.2021).

3. Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части (от 31 мая 2005 года № 52-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/9019453_34 (дата обращения 14.04.2021).
4. Иванова В. В., Черников А. В. Внешняя политика России в 90 гг. XX века: «интеграция в систему цивилизованных государств» или предательство национальных интересов // Международная научно-практическая конференция «творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма». – Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», 2016. – С. 128–136.
5. Киреев Г. В. Стратегическое партнерство и стабильная граница // Проблемы Дальнего Востока. – 1997. – № 4. – С. 7–18.
6. Костюченко А. П. Демаркация российско-китайской границы: современная историография вопроса // Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. – 2017. – Т. 9. – № 1. – С. 63–68.
7. Пожилов И. Е. Политика открытости в концепции «Китайского социализма» Чжу Дэ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 12 (104). – С. 361–366.
8. Попова Л. В. Присоединение Китая к ВТО: опыт переговоров и первые результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Экономика. – 2006. – № 2 (5). – С. 109–120.
9. Сергей Лавров: партнерство России и Китая – доказательство того, что различия не мешают сотрудничеству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regions.ru/news/1658158> (дата обращения 15.04.2021).
10. Соглашение Между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о Советско-Китайской государственной границе на ее восточной части (от 13 февраля 1992 года № 2348-I) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901729856> (дата обращения 14.04.2021).
11. Лу Сяоин. Советско-китайские пограничные переговоры (1964-2004 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2018. – Т. 18. – № 3. – С. 33–39.

ХОРКИН К. А.

**ПРОВЛАСТНЫЕ И ОППОЗИЦИОННЫЕ СИМВОЛЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МУЗЫКЕ**

Аннотация. В статье выявлены закономерности использования политических символов в провластных и оппозиционных музыкальных композициях современной России. В результате проведенного исследования на конкретных примерах был выявлен ряд закономерностей, объединяющих политические символы в тематико-смысловые группы, а также рассмотрено противостояние оппозиционных и провластных политических символов.

Ключевые слова: политическая символика, символ, музыка, песня, власть, оппозиция.

KHORKIN K. A.

**PRO-GOVERNMENT AND OPPOSITION SYMBOLS
IN CONTEMPORARY RUSSIAN MUSIC**

Abstract. The article reveals the regularities of the use of political symbols in pro-government and oppositional musical compositions of contemporary Russia. As a result of the study, a number of patterns were identified that unite political symbols into thematic and semantic groups. The opposition between anti- and pro-government political symbols was also considered.

Keywords: political symbolism, symbol, music, song, power, opposition.

Политическая сфера жизни давно проникла почти во все проявления культуры общества. В большинстве случаев политическое воздействие на сознание происходит на визуальном уровне: на улицах люди видят плакаты и билборды, дома смотрят телевизионные программы и видеоролики. Но кроме визуальной информации существует и аудиальная. Музыкальные композиции используются в современном мире не только в качестве легкого досуга, дающего возможность отвлечься от дел либо наоборот настроиться на нужный лад, но и зачастую несут в себе конкретный политический подтекст. Одни из песен скрывают его под художественными образами, а другие, напротив, ярко выражают объектами, непосредственно связанными с политикой. Политико-музыкальные символы, объединяющие большие группы людей, со временем начинают встречаться в произведениях все чаще и чаще. Это связано с тем, что определенные образы сильнее, чем другие, воздействуют на политическое сознание людей и, в конечном счете, имеют больший политический эффект. В настоящее время без исполнения разнообразных песен не обходятся ни разнообразные официальные мероприятия государственного масштаба, ни оппозиционные митинги и акции протеста.

Тема политико-музыкальных символов является относительно новой в отечественной политической науке. Теоретические аспекты данной проблемы раскрываются в работах В. Э. Багдасаряна [5] и Д. А. Мисюрова [14]. Достаточно подробно изучены взаимосвязь политики и музыкальной культуры в советский период: исследования на эту тему принадлежат А. Ганже [7] и М. Калужскому [10]. В последние годы также появляются труды, изучающие влияние политической сферы на современную музыкальную культуру: их авторами являются К. П. Африкантов и Л. В. Рогова [4], а также В. А. Луков [12], В. В. Суханов [21] и другие.

В отечественной музыке XXI века можно обнаружить особенно много разнообразных политических символов. Это связано как с развитием политических свобод, так и с возникновением новых жанров и стилей, предполагающих обилие множества уникальных лексических единиц: особенно обширное поле для исследования представляет собой русский рэп. Если в начале века композиции, затрагивающие политическую тематику, были резкими, бунтарскими, но порой очень поверхностными, то постепенно появляются серьезные музыкальные работы, для полного понимания которых необходим глубокий политологический и культурно-семантический анализ.

Основная задача данной статьи состоит в выявлении закономерностей использования политических символов в отечественных музыкальных композициях XXI века. Для решения этой задачи потребовалось объединить музыкальные символы в тематико-смысловые группы. Новизна исследования заключается в подходе к изучению музыкальных политических символов с точки зрения их смыслового противостояния.

В данной работе мы использовали оригинальную политико-смысловую классификацию, главным критерием которой стала характеристика политической действительности с точки зрения отношения к действующей власти. К провластным песням мы относим музыкальные произведения, которые с положительной стороны характеризуют политическую ситуацию в современной России. Они могут как призывать к конкретным действиям, так и пассивно хвалить происходящее. К оппозиционным песням мы отнесем все музыкальные произведения, которые с отрицательной стороны характеризуют описываемую картину политической реальности в нашей стране. В этом случае также следует пренебречь разделением на активные и пассивные призывы и проанализировать общий смысл текстов, уделяя внимание особо ярким или наиболее часто повторяющимся образам. Это разделение в итоге поможет нам определить закономерности, по которым музыканты отбирают тот или иной символ и придают ему политическое значение.

Наиболее очевидным выбором объекта для политико-семиотического исследования являются элементы официальной символики государства. К примеру, существуют песни,

посвященные российскому флагу. Среди них выделяется выпущенная в 2015 году композиция Дениса Майданова «Флаг моего государства»: количество упоминаний самого флага и прочих синонимичных слов в ней доходит до 12 [8]. В то же время в рэп-композициях (большинство из которых бросают вызов сложившейся системе) флаг не входит в число наиболее часто упоминаемых понятий: это, в частности, показало исследование, проведенное порталом «Яндекс.Музыка» в 2018 году [18]. Впрочем, отдельные упоминания встречаются, но, как правило, в негативном контексте. Так, например, в тексте одного из треков известного своими оппозиционными взглядами рэпера Oxxxymiron'a встречается такая строчка *«Мне 23, но я развиваюсь с трудом, будто заштопанный флаг»* [3]. Также довольно показательной является песня «No Flag» отечественного рэпера Boulevard Depo (настоящее имя – Артем Шатохин), которую можно считать политическим манифестом благодаря таким словам как «Я кладу слова слоями, экспертиза не врубается» [24].

Еще одним интересным аспектом для сравнения является восприятие различными исполнителями концепта «Родина». Например, трудно найти музыкальную группу, чаще уделяющую внимание патриотическим мотивам, чем «Любэ». В своих интервью президент РФ В. В. Путин неоднократно говорил, что ему очень нравится творчество данного коллектива, из чего можно сделать вывод, что власть поддерживает и разделяет используемые «Любэ» символы. Вот отрывок из композиции «За тебя, Родина-мать!» 2014 года: *«...Головы вверх гордо поднять... За тебя, **Родина-мать!** / Мы до конца будем стоять... За тебя, **Родина-мать!** / Мы будем петь, будем гулять... За тебя, **Родина-мать!** / И за страну трижды ура! За тебя, **Родина-мать...**»* [13]. В данном случае мы наблюдаем повторение традиционного для российской культуры образа «Родины-матери», история которого начинается еще в Древней Руси [19, с. 34]. Несмотря на древность происхождения, он по-прежнему используется в проправительственных патриотических песнях как социально-эмпатический образ. Его особенностями являются естественное происхождение, врожденность и неотчуждаемость.

При этом оппозиционно настроенные музыканты порой напрямую покушаются на этот один из самых сильных проправительственных образов. Группа «Anacondaz» в композиции 2019 года «Пусть они умрут» упоминает такие понятия как «Родина-мать» и «Вождь-отец», причем слово «мать» рифмуется с обценным глаголом, которым обозначается деятельность Родины и Вождя по отношению к лирическому герою. Такое положение дел описывается как «Самый что ни на есть абьюзивный инцест» [1]. Подобное заявление по своему смыслу не просто отрицает ценность проправительственного образа «семьи», но и указывает на угнетение, проводимое с помощью этих символов. Та же группа «Anacondaz» насыщает политическими символами не только тексты песен. На обложке ее

мини-альбома «Мои дети не будут скучать» изображение скульптуры «Родина-мать зовет!» скрещено со средневековой скульптурой «La Mort Saint-Innocent», олицетворяющей «святую невинную смерть». Это привело к обращению в прокуратуру, составленному директором музея-панорамы «Сталинградская битва» А. Дементьевым [9].

Наблюдается еще одна заметная тенденция. Если провластные музыканты предпочитают упоминать объекты природного происхождения, то оппозиционные исполнители часто описывают урбанистические символы и придают им негативную окраску. Эта традиция идет еще со времен песни «Перемен» группы «Кино». Несмотря на то, что сама композиция была написана в 1985 году, ее можно услышать практически во время любого русскоязычного протестного митинга или шествия. Текст песни богат на символы и противопоставления, большинство из которых носят явный политический подтекст: «**вместо тепла – зелень стекла**». В данном случае традиционные патриотические естественные природные символы открыто заменяются на антропогенный, синтетически окрашенный зеленый цвет стекла. Подобное можно наблюдать и далее: «**Красное солнце сгорает** дотла», «**Электрический свет продолжает** наш день» [15]. Опять естественный природный символ традиционно относящийся к патриотизму заменяется на протестный антропогенно-урбанистический.

Подобные мотивы можно обнаружить и в более современных произведениях. Вот цитата из песни рэпера Хаски «Панелька» 2017 года: «... *Пообветрилась свадебная мимоза, / Все **панельные драмы** как трафарет, / И улыбка – лишь ссадина ниже носа, / На **фотографии семьи, которой нет** ...*» [23]. В данном случае мы говорим не просто о замещении одного символа на другой, а о буквальном отрицании. Семья как социально-эмпирический символ, свойственный провластным сюжетам, демонстративно оставляется в прошлом и отрицается в настоящем. Для этого используется образ семьи через «фотографию», что вновь является антропогенно-урбанистическим символом и продолжает подобную линию оппозиционных песен. Исполнитель FASE в произведении 2018 года «Четвертый всадник» обещает: «*Я покажу тебе весь спектр запахов **асфальта**, накормлю твою печень сталью **районов спальных***» [2]. Автор, давая негативную оценку происходящего в стране, предлагает ознакомиться с проблемами, обращаясь к жизни не элиты, а небогатых слоев населения. Этой же логике следует композиция Noize MC «Все как у людей» 2019 года: «*Мир **однокомнатных квартир** с совмещённым санузелом / **Микрофон за сто рублей, самопальное музло**...*» [6]. Вновь появляется образ города с негативной оценкой и его обесценивание за счет перечисления дешевого бытового имущества.

Как видно из текстов, превалирует образ города, причем провинциального серого города без каких-либо ярких фрагментов. Упаднических настроений добавляют и

описываемые элементы скудного быта. Нет упоминания солнечного света, пения птиц, зелени и цветов: все искусственное и дешевое.

Наблюдаемые тенденции проявляются и при анализе музыкальных композиций, посвященных событиям 2020-2021 годов. На массовые протесты в соседней Беларуси откликнулись многие российские исполнители. Широкую известность приобрел клип под названием «Артисты за мир – Любимую не отдают», в записи которого участвовали около 20 исполнителей: среди них Филипп Киркоров, Николай Басков, Александр Буйнов, Диана Гурцкая. Песня была выпущена в поддержку президента А. Г. Лукашенко, хотя сама фамилия лидера в тексте не упоминается. Уже первые строки содержат упоминание «природной риторики»: *«Здесь мое **небо**, мой **дом**, мое **сердце** / Здесь все **родное** и близкое с детства»* [11].

Впрочем, откликнулись на белорусские события и оппозиционно настроенные исполнители. Российская рок-группа «Ногу свело!» отреагировала на них клипом «Молчание ягнят». В видео появляются кадры с демонстраций в Беларуси и России за последние несколько лет, которые то показываются на экране, то при помощи проектора выводятся на лица играющих музыкантов. Звучат слова: *«Нашей **кровью** тротуары **мыли** / Нам в **сердца прикладами** стучали / Мы **слова любви** давно **забыли** / Потому что столько лет молчали»* [15]. И вновь четко прослеживается противостояние природных и антропогенных образов через отношение к ним действующей власти. Демонстрируется как проправительственная ценность «кровь» становится средством для мытья оппозиционных «тротуаров».

Существует и еще один политический символ, употребление которого резко выделяется. Речь идет об образе В. В. Путина. Конечно, можно спорить с тем, что Владимир Путин является политическим символом в прямом смысле этого слова, однако тот бесспорен факт, что образ президента используется как в песнях, положительно оценивающих настоящее и прошлое, так и в песнях, где оппозиция косвенно высмеивают, гиперболизируя образ главы государства.

Возник даже особый термин «Путиниана», подразумевающий совокупность произведений, в которых упоминание Владимира Путина как политического символа значительно подавляет прочие образы [17]. Традиционно Путиниана содержит положительную характеристику действующего президента, а в его лице и всей власти и ее действий. Эта особенность присуща подобным произведениям со времен выпущенной в 2004 году коллективом «Поющие вместе» песни «Такого, как Путин». Пожалуй, не существует других достаточно значимых политических символов, которым посвящался бы ряд композиций различных авторов, где так часто упоминается один и тот же образ. Слово «Путин» встречается в соответствующих композициях в среднем 15-20 раз. На данный

момент зафиксированное лидерство принадлежит треку 2017 года Славы КПСС «Владимир Путин». Количество упоминаний лидера государства в нем – 33 раза [20].

Таким образом, символическое противостояние может быть представлено в виде следующей таблицы.

Таблица

Противопоставление политических символов в современной российской музыке

Провластные символы	Оппозиционные символы
Позитивно-государственнические символы (флаг, гимн, Родина-мать, победа)	Негативно-государственнические символы (заштопанный флаг, вождь, война, насилие)
Природные символы (река, поле, дерево, небо)	Урбанистические символы (город, стена, улица, кирпич, панельный дом)
Социально-эмпатические символы (мать, семья, друг, любовь)	Антропогенно-бытовые символы (электрический свет, стеклянная бутылка, фотография)
Позитивно-персонифицированные символы (В. В. Путин как лидер великого государства)	Негативно-персонифицированные символы (В. В. Путин как лидер государства, в котором все неблагополучно)

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что в настоящее время большинство музыкальных произведений провластного характера используют те символы, которые изначально имели естественное, природное происхождение. Идея предельно понятна: все, что было еще до нашего появления, хорошо работает и находится в гармонии. Оппозиция также довольно последовательна в своих символах. Используя в первую очередь урбанистические символы и символы декадентского быта, исполнители заявляют, что все вокруг нас сделано человеком и что в силах человека все изменить.

Также стоит отметить, что политические символы используют в своих произведениях музыканты, придерживающиеся различных политических взглядов, но противопоставляют и сталкивают символы друг с другом, в основном, оппозиционеры. Это вполне объяснимо, если учесть, что оппозиционные исполнители не централизованы: трудно выделить какую-то главную песню или какого-то главного исполнителя. В то же время такое разнообразие позволяет произведениям контркультуры находить больший спектр целей для политико-символических атак.

Говоря о других аспектах изучения данной тематики, хотелось бы привлечь внимание к проблеме эффективности использования тех или иных символов на практике. Символы могут иметь различное по эффективности влияние: некоторые могут оказывать более

серьезное мобилизационное влияние, а некоторые, наоборот, будут успокаивать человека и сдерживать его на пути к проявлению чрезмерной политической активности. Следовательно, возможности политического воздействия через музыкальную культуру далеко не исчерпаны.

К. П. Африкантов и Л. В. Рогова отмечают, что для решения проблем в сфере развития музыкальной культуры молодежи необходимо решение следующих задач: переосмысление государственной культурной политики органами государственной власти, ее соединение с молодежной политикой государства; пропаганда национальных культурных ценностей в молодежной среде [4, с. 321]. Исходя из данного тезиса, можно прийти к выводу о том, что лучшее понимание противоборствующих символов и их грамотное использование каждой из сторон может привести если не к культурному единству общества, то к прекращению противостояния, что безусловно будет иметь стабилизирующий эффект на реальную политическую обстановку в современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anacondaz – Пусть они умрут [Электронный ресурс]. – Режим доступа: tekst-pesni.online/anacondas-pust-oni-umrut (дата обращения: 26.04.2021).
2. FACE – Четвёртый всадник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tekst-pesni.online/face-chetvyortyj-vsadnik> (дата обращения: 26.04.2021).
3. Охххymiron – Я продолжаю жить [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://altwall.net/texts.php?show=oxhxmiron&number=177389> (дата обращения: 26.04.2021).
4. Африкантов К. П., Рогова Л. В. Проблемы формирования музыкальной культуры молодежи на современном этапе развития российского общества // Экономика и гуманитарные исследования: проблемы, тенденции, достижения: сборник материалов III Международной научно-практической конференции, 2018. – С. 315-322.
5. Багдасарян В. Э. Политическая символика: монография. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 221 с.
6. Всё как у людей – Noize MC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tekst-pesni.online/vsyo-kak-u-lyudej-noize-mc> (дата обращения: 26.04.2021).
7. Ганжа А. Советская музыка как объект сталинской культурной политики // Логос. – 2014. – № 2 (98). – С. 123-155.
8. Денис Майданов – Флаг моего государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tekst-pesni.online/denis-majdanov-flag-moego-gosudarstva> (дата обращения: 26.04.2021).

9. Как российская музыка реагирует на политические кризисы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tjournal.ru/analysis/194216-kak-rossiyskaya-muzyka-reagiruet-na-politicheskie-krizisy> (дата обращения: 26.04.2021).
10. Калужский М. Репрессированная музыка. – М.: Классика-XXI, 2007. – 56 с.
11. Киркоров, Басков, Гурцкая и еще полтора десятка артистов спели песню в поддержку Лукашенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/09/18/kirkorov-baskov-gurtskaya-i-esche-poltora-desyatka-artistov-speli-pesnyu-v-podderzhku-lukashenko-teper-ih-sprashivayut-skolko-stoit-sovest> (дата обращения: 26.04.2021).
12. Луков В. А. Политика – культура – молодежь // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/1/Lukovs_policy (дата обращения: 26.04.2021).
13. Любэ – За тебя, Родина-мать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: tekst-pesni.online/lyube-za-tebya-rodina-mat (дата обращения: 26.04.2021).
14. Мисюров Д. А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 1. – С. 168-174.
15. Ногу Свело! – Молчание Ягнят – YouTube [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=RLH1D_uAa_k (дата обращения: 26.04.2021).
16. Перемен – Кино [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://tekst-pesni.online/peremen-kino](http://tekst-pesni.online/peremen-kino) (дата обращения: 26.04.2021).
17. Путиниана: от прилавка до попсы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_3547000/3547241.stm (дата обращения: 26.04.2021).
18. Русский рэп как набор слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/company/researches/2018/rap> (дата обращения: 26.04.2021).
19. Рябов О. В. «Родина-мать»: история образа // Женщина в российском обществе. – 2006. – № 3. – С. 33-46.
20. Слава КПСС – Владимир Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://tekst-pesni.online/slava-kpss-vladimir-putin](http://tekst-pesni.online/slava-kpss-vladimir-putin) (дата обращения: 26.04.2021).
21. Суханов В. В. Феномен музыкальных лейблов в современной России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 1. – С. 25-28.

22. Такого, как Путин: какие песни посвящали президенту страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amic.ru/news/372796> (дата обращения: 26.04.2021).
23. Хаски – Панелька [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tekst-pesni.online/haski-panelka> (дата обращения: 26.04.2021).
24. Хаски, пытки и цензура в новом клипе Boulevard Depo на песню «No Flag» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.the-village.ru/weekend/news/346013-boulevard-no-flag> (дата обращения: 26.04.2021).

АНДРИЯНОВА С. С.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА США: ГЕНЕЗИС И ПРОЯВЛЕНИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу стратегической культуры США, а также понятий «культура», «стратегия» и «стратегическая культура». Особое внимание автор акцентирует на том, как может измениться стратегическая культура государства при воздействии на неё внешних факторов. На основе проведенного анализа автор делает выводы об особенностях стратегической культуры США.

Ключевые слова: безопасность, влияние, внешняя политика, внешнеполитическая стратегия, культура, международная арена, стратегия, стратегическая культура, США.

ANDRIYANOVA S. S.

USA STRATEGIC CULTURE: GENESIS AND DEVELOPMENT

Abstract. The article presents an analysis of the USA strategic culture. In this connection such concepts as "culture", "strategy" and "strategic culture". The author pays special attention to the subject of how the strategic culture of the state can change under the influence of external factors. Considering the analysis, the author draws conclusions about the features of the US strategic culture.

Keywords: culture, foreign policy, foreign policy strategy, influence, international arena, security, strategy, strategic culture, USA.

Термин «культура» имеет множество совершенно разных и по-своему интерпретированных значений, что вызывает широкие споры и отсутствие единого мнения в мире социологии и антропологии относительно его финального определения. Сама культура как форма взаимодействия между личностями и обществами в целом была объектом обширных исследований, поскольку она рассматривалась как набор правил и моделей, управляющих взаимоотношениями между участниками определенной системы. Сложность выявления конечного термина «культура» заключается не в том, что следует включить в это самое определение, а в том, что из него следует исключить [11, р. 26]. Например, армия США определяет культуру как «набор отличительных характеристик общества или группы, включая ценности, убеждения и нормы, которые объединяют членов этого общества или группы и определяют их действия и поведение» [5, р. 42].

Культура охватывает все аспекты деятельности общества, что также является отличительной чертой области международных отношений. В этой связи можно утверждать, что культура определенного народа имеет четкое отражение в том, как он осуществляет внешнюю деятельность в своем государстве и как он относится к другим государствам в

международной сфере. В этом контексте общепризнано существование некоего «американского образа жизни» с определенными чертами, который характеризуется как решающий фактор поведения США в системе международных отношений. То есть, чтобы понять, каковы предпочтения США в области внешней политики, необходимо в первую очередь учитывать культуру самого североамериканского народа.

Тема стратегической культуры является относительно новой в отечественной политической науке. Различные аспекты этой проблематики применительно к США раскрыты в работах Ю. П. Давыдова [12], О. Иванова [14; 15], О. В. Милаевой и А. Е. Сиушкина [16], Ю. А. Михалёва и Е. В. Звожик [17], Ю. И. Надточья [18], Л. Д. Оганисяна [19], М. И. Рыхтика [20] и Ю. Е. Федорова [21].

Реализация глобальной стратегии США на международной арене традиционно определялась одной из наиболее характерных черт «американского образа жизни»: индивидуалистическим характером североамериканского гражданина. Этот индивидуализм имеет истоки, уходящие корнями в историю нации. Он отражен в Декларации независимости Соединенных Штатов, гарантирован Конституцией [1, р. 29]. Впоследствии, преобладающее состояние так называемого «пограничного человека», которое характеризовало гражданина Северной Америки с колониальных времен до конца XIX века, только усилило этот индивидуализм [2, р. 102]. Это привело к двум преобладающим принципам во внешней деятельности США: изоляциялизм и односторонность.

С другой стороны, глубокий индивидуализм североамериканского народа и вера в способность любого человека достичь процветания и благополучия своими личными усилиями заставили США задуматься о том, что каждая нация в мире должна процветать своими собственными средствами, максимально используя свой потенциал на примере североамериканской модели [4, р. 40]. В этой особенности североамериканской культуры можно найти объяснение тому, что США предпочитают односторонние военные и политические действия вне коалиций и альянсов, которые традиционно определяли их внешнеполитическую деятельность.

Термин «стратегия», в свою очередь, широко обсуждался в академических кругах и особенно в военной мысли. Стратегия используется в самых разных сферах человеческой деятельности и имеет бесконечное количество значений, которые обычно концептуализируются как «план, руководство или образец для решения определенной задачи» [6, р. 13]. Уже в своем этимологическом корне слово «стратегия» происходит от греческого понятия «стратегос», что означает «глава вооруженных сил». В своем наиболее распространенном концептуальном понимании стратегия связывает цели, которые должны быть достигнуты, и средства, которые необходимо использовать для достижения этих целей.

Стратегию можно понимать как «интеллектуальную связь между тем, чего человек намеревается достичь, средствами, имеющимися в его распоряжении, и обстоятельствами или способом, которым он собирается это осуществить [8, р. 53]. Фактически формулирование любой стратегии должно начинаться с определения цели, которая должна быть достигнута, или желаемой конечной ситуации [8, р. 61], которая должна представлять собой ось всей стратегической деятельности данного государства. В своем кратком определении британский историк и эксперт по стратегии Бэзил Лидделл Гарт описывает стратегию как «искусство распределения и применения военных средств для достижения целей политики» [5, р. 70].

Существует широкий консенсус в отношении взаимосвязи между культурой и стратегией, причем основы этих двух концепций, в основном, одинаковы: опыт и обмен этим опытом, язык, общая форма правления и сосуществования, а также ценности, характерные для национального государства или, в более общем плане, для конкретной общины или организации.

После изучения теоретических основ терминов культура и стратегия рассматривается понятие «стратегическая культура». Понимание происхождения и основ стратегической культуры национального государства – это способ понять и угадать его поведение в стратегической сфере, которое сохраняет определенные характеристики непрерывности во времени. Хотя связь между культурой и стратегией рассматривалась с древних времен, термин «стратегическая культура» был впервые придуман профессором политологии Джеком Снайдером лишь в 1977 году в контексте исследования американской и советской стратегий применения ядерного оружия во времена «холодной войны» [9, р. 10]. Снайдер признал существование «советской стратегической культуры», которая подвергает людей процессу социализации. Это приводит к тому, что ядерная стратегия регулируется принципами, убеждениями и моделями поведения, которые ставят ее на уровень «культуры», а не «политики». Стратегическая культура призвана стать «инструментом прогнозирования будущего», знание которого позволяет угадывать развитие процессов принятия стратегических решений противника.

Снайдер также заявляет о существовании «американской стратегической культуры», разработанной в тех же условиях и реалиях, что и в Советском случае, но с особыми обстоятельствами, которые приносят культурные обычаи США. С окончанием Второй мировой войны и началом «холодной войны» двойная изоляционистская и односторонняя тенденция США, о которых упоминалось ранее, претерпевают фундаментальные изменения [4, р. 75]. С одной стороны, Соединенные Штаты собирались принять активное участие в политическом и военном плане во всем мире в качестве гаранта демократии и свободы

против коммунизма, тем самым нарушив свою традиционную изоляцию. А с другой стороны, США намеревались возглавить и твердо продвигать различные международные организации, а также союзы и коалиции с различными странами, чтобы обеспечить участие свободного мира в противостоянии угрозе, представляемой Варшавским договором.

В целом, знание стратегической культуры реальных или потенциальных противников является «важным оружием в собственном арсенале и укрепляет перспективы успеха того или иного государства в различных ситуациях». В Вооруженных Силах США данный фактор включил большое доктринальное развитие. В оперативной области армия США реализовала программу «Human Terrain System», направленную на повышение способности своих сил, развернутых в Ираке и Афганистане, знать местную культуру и интегрировать эти знания в военные операции [7, р. 325].

Однако стратегическая культура, хотя и четко определяется конкретными чертами с постоянством во времени, зависит также и от определенных исторических событий и моментов, которые могут изменить ее. Так, события Арабской Весны можно рассматривать в рамках этой категоризации. Они привели к переориентации в стратегической культуре США, подтверждению их господства в международной безопасности, при этом впервые в истории основное внимание было уделено безопасности на национальной территории, новой доктрине превентивных ударов с предрасположенностью к применению военной силы и предпочтению односторонних действий [3, р. 171].

Важно также понимать, что стратегическая культура представляет собой своего рода интерес. Интерес есть потребность в достижении поставленной государством цели. На этом основании возникает вопрос, какие интересы преследуют США на международной арене и, соответственно, в чем выражается их стратегическая культура? Ответ на данный вопрос дает нам Стратегия национальной безопасности США от 2017 года, в которой выделены следующие национальные стратегические интересы:

- обеспечение безопасности граждан США, а также безопасность союзников и партнеров;
- обеспечение процветания мира в целом и американского государства в частности;
- сохранение мира во всем мире за счет военной, кибернетической и космической мощи;
- расширение американского влияния на планете [13, с. 54].

Более того, правящая элита США выделяет в качестве одной из главных задач сохранение у государства определяющей роли в решении многих глобальных конфликтов.

На основании всего вышеупомянутого можно сделать вывод, что из закрытого изолированного политически и территориально государства США превратились в ведущую

мировую державу, чья внешнеполитическая стратегия сводится к одному постулату: мир должен развиваться по американскому сценарию. Именно на этом базируется интерес США. Однако стратегическая культура США, с одной стороны, являет собой желание доминировать во всех стратегически важных регионах мира, а впоследствии, при необходимости, запустить процесс демократизации в них, но, с другой стороны, основываясь на истории трансформации стратегической культуры США, эта стратегия является многогранной и способна изменяться. Именно поэтому действия американских властей порой не поддаются объяснению и не всегда представляется возможным спрогнозировать реакцию США на события мирового политического масштаба. Таким образом, американская стратегическая культура пока не достигла своего конечного варианта, она будет видоизменяться на протяжении ещё долгого времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arms A. Strategic Culture: The American Mind / En T. Gill (Ed.). – Essays on Strategy IX. – Washington, DC: National Defense University Press, 1993. – pp. 3-32.
2. Evans M. The Tyranny of Dissonance: Australia's Strategic Culture and Way of War 1901–2005. – Land Warfare Studies Centre, Study Paper No. 306. – February 2005.
3. Lantis J. Strategic Cultures and Security Policies in the Asia-Pacific // Contemporary Security Policy. – Vol. 35, No. 2. – 2014. – pp.166-186.
4. Lewis A. The American Culture of War. The History of U.S. Military Force from World War II to Operation Iraqi Freedom. – New York: Routledge, 2007. – 198 p.
5. Liddell-Hart B. Strategy. – London: Meridian, Penguin Group, 1991. – 256 p.
6. Mintzberg H. The Strategy Concept I: Five Ps for Strategy // California Management Review. – Fall 1987. – pp. 11-24.
7. Schiff R. Concordance Theory, Targeted Partnership, and Counterinsurgency Strategy // Armed Forces & Society. – 38(2). – 2012. – pp. 318-339.
8. Sklenka S. Strategy, National Interests, and Means to an End. – Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, October 2007.
9. Toje A. Strategic Culture as an Analytical Tool. History, Capabilities, Geopolitics and Values: the EU Example // Western Balkans Security Observer. – Num. 14, July-September 2009. – pp. 3-23.
10. US national security strategy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения 21.01.2021).

11. Zaman R. Strategic Culture: A “Cultural” Understanding of War // Comparative Strategy. – 2009. – pp. 68-88.
12. Давыдов Ю. П. Стратегические культуры США и Европы // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 3 (435). – С. 48-70.
13. Емельянов А. И. Геополитика Латинской Америки: монография. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. – 220 с.
14. Иванов О. Американская стратегическая культура // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. – 2007. – № 1 (204). – С. 87-97.
15. Иванов О. Американская стратегическая культура и война в Ираке // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. – 2007. – № 5 (208). – С. 109-118.
16. Милаева О. В., Сиушкин А. Е. Сравнительный анализ стратегической культуры США и Евросоюза (на материалах стратегий безопасности 2002-2010 гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 3 (23). – С. 19-28.
17. Михалёв Ю. А., Звощик Е. В. Значение доктрины Монро в формировании американской стратегической культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2018. – № 1 (794). – С. 52-59.
18. Надточей Ю. И. «Мягкая сила» и «стратегические культуры» США и Европы // Мягкая сила в международных отношениях. – 2015. – С. 74-85.
19. Оганисян Л. Д. Стратегические культуры США и ЕС в средиземноморской политике // Современная Европа. – 2017. – № 3 (75). – С. 47-54.
20. Рыхтик М. И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. – 2003. – № 1. – С. 203-219.
21. Федоров Ю. Е. США и Европа в меняющемся мире: конфликт или взаимодополняемость стратегических культур? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2002. – № 6. – С. 7-11.
22. Шаклеина Т. А. Эволюция глобальной стратегии США (2001-2011) / Факультет мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fmp.msu.ru/attachments/article/262/SHAKLEINA_3_2011.pdf (дата обращения 21.01.2021).